

СТАНЦИЯ «ЕВРОПА»

The poster depicts a cinematic scene set in a vast, snowy mountain range under a dark, stormy sky with falling snow. In the foreground, three characters are seen from behind, looking towards a distant, towering structure. On the left, a man in a heavy fur-trimmed coat and a bandana around his neck holds a long-barreled rifle. In the center, a woman in a grey jacket and a tan beanie carries a bow and a quiver of arrows. To her right, a small child in a brown winter suit and a green knit hat holds her hand. In the background, the 'Station Europa' is a massive, multi-tiered industrial or scientific structure built into a snowy peak. It features numerous windows, pipes, and mechanical details. At its base, there are bright orange flames and thick black smoke billowing into the air. The overall color palette is dominated by cold blues, greys, and whites, contrasted by the warm orange of the fire and the dark tones of the sky.

ЕВГЕНИЙ КИМ

18+

Евгений Ким
Станция «Европа»

«Автор»

2026

Ким Е.

Станция «Европа» / Е. Ким — «Автор», 2026

После глобальной катастрофы человечество выживает на руинах цивилизации. Охотник Алекс вместе со своими детьми — тяжелобольным сыном Троем и дочерью Ланой, отправляется в опасное путешествие по заснеженным пустошам бывшей Европы. Их путь лежит к заброшенной станции климат-контроля, до сих пор управляемой искусственным интеллектом. Возможно, только там им удастся спасти умирающего мальчика. Но путь к станции проходит через земли, где холод убивает не хуже людей. Каждый шаг может стать последним, а встреча с незнакомцами — смертельной ошибкой. Чем ближе семья подходит к цели, тем яснее становится: настоящая опасность ждет их не в снежной пустыне. Сможет ли отец спасти сына в мире без будущего, где каждый шаг становится проверкой семейных уз на прочность, а чужая жизнь — всего лишь плата за собственное бессмертие? Этот захватывающий постапокалиптический роман заставляет задуматься о том, на что готов пойти человек ради спасения тех, кого он любит больше всего на свете.

© Ким Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгений Ким

Станция «Европа»

Глава 1

Почти сразу после метели Марку становится плохо. Вот уже несколько дней они идут по густым сугробам, и Алекс всё время винит себя, что выбрал этот путь.

Надо было через лес, думает он, ступая по рыхлому снегу прогнившими снегоступами. Знает, что скоро ему придется их выбросить, и молится лишь о том, чтобы поскорее добраться до леса. Снега там будет меньше, и он сможет спокойно развести огонь, собрать немного веток и сплести себе новые. Идти тогда станет легче. Может, он даже сможет нести сына на плечах, чего не делал уже давно.

Марк идет так медленно, что Алексу с Ланой все время приходится останавливаться и ждать его. Иногда Алексу кажется, что, если они просто испарятся в воздухе, сын так и будет идти дальше, опустив голову, уверенный в том, что отец и сестра где-то впереди.

Пока пересекают долину, два раза останавливаются на привал. Из-за сильного ветра Алекс боится ставить палатку, которая и так уже трещит по швам, так что ему приходится выкапывать снежные пещеры. Лопатка у них только одна, и работа согревает его так, что хочется сбросить тяжелую куртку, но он боится заболеть — кто тогда будет смотреть за Марком?

По ночам сын жмется к нему так сильно, что Алексу кажется, он задохнется. Сына он не отталкивает: просто лежит и тихо прислушивается. Дышит ли он еще? Но легкие, как и сердце, у Марка такие слабые, что приходится подносить ухо почти вплотную к его лицу, чтобы что-то услышать: сын дышит. Тогда Алекс успокаивается и проваливается в тревожный сон.

Марк совсем теряет силы на вторую ночь. Ночуют они снова на равнине, Алекс снова выкапывает пещеру: в этот раз чуть шире, чем накануне. Лана приносит откуда-то несколько тощих веток, и Алекс делает небольшое углубление для костра, чтобы вскипятить немного воды. Последние запасы вяленого мяса они съели еще несколько дней назад, и из еды у них только сушеные рыбки и несколько ломтей сала. Алекс предлагает, как обычно, свой кусочек сала сыну, но тот лишь качает головой в ответ. Только тогда Алекс замечает, что Марк еле притронулся к своей порции.

— Ты не заболел? — спрашивает он сына и дотрагивается до его лба. — Ты горишь.

Пока Лана заваривает чай из сосновых иголок, Алекс раздевает сына до термобелья и укладывает его на тулуп в углу пещеры. Марка бьет озноб, и он просит укутать его, но в пещере тепло, и Алекс знает, что в одежде ему станет только хуже, а потому лишь подкладывает сыну под голову рюкзак и усаживается рядом.

Выпив чая, Марк засыпает. Алекс смотрит на него, пока свет от костра достает до них. Во сне Марк что-то неразборчиво бормочет и все время крутится, как будто пытается вырваться из сетей болезни. Алекс берет немного снега и, чуть растопив его в руках, кладет Марку на голову. Кожа сына такая горячая, что снег тает почти мгновенно.

— Нужно сделать ему холодную повязку, — говорит он, протягивая Лане тряпичную ленту, которую отрывает, надпоров ножом рукав рубашки.

Лана набирает снега в небольшое ведерко, ставит у костра. Смачивает ленту, складывает ее в два раза и кладет на лоб брату.

— Он поправится? — спрашивает она, глядя отцу в глаза.

— Да, — кивает Алекс, — поправится. Думаю, к утру ему станет лучше.

Он и сам не знает, почему говорит так. Должно быть, он и правда в это верит. Или просто боится представить, что сыну может стать хуже.

Однако утром Марку действительно лучше. Он все еще слаб, но глаза его ясные, температура спала. В утреннем тусклом свете, попадающем в пещерку, он похож на скелет. Нужно будет обязательно приготовить ему похлебку, думает Алекс, глядя на выступающие ребра сына, которые не может скрыть даже рубашка.

— Мне холодно, — говорит Марк, как только открывает глаза. — Мне все еще нельзя надеть тулуп?

— Уже можно, — отвечает Алекс и помогает Марку одеться. Тулуп тяжелый, и Алекс знает, что Марку трудно его носить, но другой одежды у них нет. Он давно уже собирается сшить для него легкую шубу — из беложура или ползуна, — но крупных животных они не встречали уже несколько месяцев, а потому он просто стреляет белок во время охоты. Дело идет медленно — белки попадаются тоже нечасто, и на полноценную шубу Алексу до сих пор не хватает десяти-двенадцати шкурок.

— Мы пойдем сегодня дальше? — спрашивает Марк, прихлебывая сосновый чай, который для него разогрела Лана. От горячего питья его щеки налились румянцем. Скажи кому, что мальчик умирает, никто бы не поверил.

— А ты сможешь идти?

Марк пожимает плечами и ничего не отвечает. Значит, не сможет, решает Алекс. По какой-то причине Марк редко говорит, что думает на самом деле, как будто боится сказать не то, чего от него ждут.

— Никуда мы сегодня не пойдем. Ты устал за эти несколько дней, вот тебя и свалило вчера ночью. Тебе нужно набраться сил, — говорит Алекс и треплет сына по волосам. Чувствует спиной взгляд Ланы, но не оборачивается. Знает, что ей тоже хочется поскорее уйти с равнины, но Марк слишком слаб и с больным сердцем, и Алекс не хочет нагружать его сверх меры.

— А можно мне тогда кусочек сала? — спрашивает Марк и делает еще один глоток чая. — Я ведь не съел вчера свой.

Алекс достает из мешочка кусочек полутысячи и протягивает его сыну. Если попросил есть, значит, и правда, идет на поправку, думает Алекс. Ставит мешочек с салом рядом с Марком:

— Захочешь еще, бери.

Потом встает.

— Я на охоту, — говорит он, берет ружье и укутывает лицо шарфом.

Лана тянется за своим луком, но Алекс качает головой.

— Ты должна остаться с Марком. Кто-то должен за ним присматривать.

— Почему я? Я тоже хочу поохотиться. Я и так все время сижу с ним.

Так похожа на мать, думает Алекс, глядя на дочь: стоит перед ним с упрямым выражением лица и надутыми губами. Стоит и не выпускает лука из рук, словно надеется, что сможет его уговорить.

— Потому что ты его старшая сестра. Одну отпустить я тебя не могу — мы не знаем этих мест. Вдруг что-то с тобой случится?

— А вдруг с тобой? — Лана вздергивает подбородок, словно бросает ему вызов. — Что мы тогда будем делать?

Алекс не отвечает. Он сам все время задается этим вопросом, но всякий раз гонит такие мысли прочь. Толку от них мало, а тревоги много. Если с ним и правда однажды что-то случится, Марку с Ланой придется несладко. Но, может быть, он недооценивает своих детей. Он ведь и сам рос почти один. И ничего — выжил.

— Присматривай за Марком, — только и говорит он, давая понять, что спор окончен.

Алекс выбирается из ямы на поверхность. Лана швыряет лук оземь, прячется в пещере. Алекс хочет крикнуть ей, чтобы она так не прыгала — не дай бог потолок обвалится, — но

сдерживается. Лана и так думает, что он контролирует каждый ее шаг, и разозлится так, что точно все обрушит.

Отойдет, думает Алекс, отряхивая снег с колен. И поймет. Однажды поймет.

Метель утихла, и теперь хорошо видно, как далеко они ушли от Соснового Утеса. Справа тянется низкая гряда скалистых холмов, плавно переходящая в высокие горы километрах в двадцати на север.

За эти-то горы им и надо, но теперь, глядя на них, Алекс чувствует, как у него сосет под ложечкой. А вдруг Мин Су ошибся и никакого туннеля там нет? Как они смогут одолеть эти горы с Марком, который и по равнине-то еле-еле идет?

Разберемся, думает он, натягивая снегоступы. Сначала нужно добыть какую-то пищу. С тех пор, как у них кончились запасы, они не ели ничего горячего, а сыну надо подкрепиться. Если повезет, он подстрелит зайца или снежную мышь.

Алекс втыкает в снег метку с привязанным к ней куском красной ткани и движется в сторону холмов. Снегоступы трещат под весом его тела, так что ступает он аккуратно, но не так чтобы уж очень медленно. Хотя времени у них хоть достаточно, все же надолго оставлять одних Лану и Марка он не хочет. Мало ли что может произойти, пока его нет. Волки хоть и редко забредают так далеко на север, но все же забредают, а одним луком много волков не убьешь.

Нет тут никаких волков, думает он, обводя равнину взглядом. А если и есть, то какой-нибудь одиночка, больной или слабый, которого погнали из стаи. Такой зверь сам тебя испугается, можно даже ружье с плеча не снимать.

Дойдя до холма, Алекс снимает снегоступы и привязывает их к поясу. Снега на холме на удивление мало и повсюду из замерзшей земли торчат острые серые камни, отчего холм походит больше на панцирь какого-то невиданного древнего чудовища. Алекс бы не удивился, окажись это действительно так. За свою жизнь он много чего повидал. Что может тебя удивить, если живешь в аду? Пусть даже в холодном.

Он увлечен своими мыслями и чуть не проходит мимо снежного лаза, оставленного каким-то зверьком под одним из камней. Вот так удача, думает Алекс, опускаясь на колено. Сердце стучит так сильно, что он слышит его даже через толстую куртку. Закатывает рукав. Если зверек еще в норе, то нельзя его спугнуть.

Алекс старается не касаться стенок, не потревожить снег. Лаз неглубокий и скоро его рука нащупывает что-то теплое и мягкое. Не давая зверьку одуматься, Алекс быстро сжимает руку и что есть силы дергает наружу.

Попался.

Вытягивает из норки пухлого булька. Булёк извивается, издавая забавные булькающие звуки, похожие на звук свиристели. Не ослабляя хватку, Алекс крепко берет булька за голову другой рукой и ломает ему шею. Позвоночник зверька хрустит сухой веткой — и тело мгновенно обмякает.

Он взвешивает булька на ладони. Весу в нем не больше килограмма. Не густо, но на похлебку хватит, а это самое главное. Марку нужно есть мясо хотя бы раз в неделю, причем именно мясо, а не это осточертевшее сало.

Ничего, будет сегодня пир, думает Алекс, убирая тушку в наплечную сумку. Найти бы еще корней морозника, можно будет и рагу приготовить, с перцем и сушеной зеленью, как любит Лана.

Каждый раз, когда они проходят через лес, она собирает травы под снегом, лишайник со стволов деревьев, сушит у костра, как учила ее мать, а потом бережно заворачивает в платок. От запаха теплой травы у Алекса всегда чешется нос и слезятся глаза, но он не жалуется — вкуснее мясного рагу с лесными травами он в жизни ничего не пробовал.

Он резко останавливается. Чуть впереди, метрах в десяти от него, лежит человек.

Сначала ему кажется, что человек спит, но потом он замечает, как выгнуты его руки и ноги — в такой позе не спят. Да и вообще, кто спит на промерзших камнях?

Из вещей на человеке только старый тулуп, такие же старые штаны и ботинки. Ни рюкзака, ни какого-либо оружия при нем нет.

Алекс подходит чуть ближе и только тогда замечает темное пятно крови, застывшее на снегу под трупом. Останавливается. Оглядывается вокруг. Чувствует, как внутри него что-то холодеет.

Неужели они сбились с дороги и случайно забрели в земли кочевников?

Разве только кочевники убивают? Может, его убил медведь?

Алекс делает выдох, медленно подходит к мертвому. Берет его за плечо и тянет на себя.

Труп тяжелый. Со второй попытки получается его перевернуть.

Судя по черному цвету лица и застывшим глазам, лежит он тут уже давно. Может, неделю. А может, и дольше. Тулуп его вспорот, а в животе зияет рана, которую мог оставить только нож. Ни одно животное не убивает с такой хирургической точностью.

— Чтоб тебя, — шепчет Алекс, отступая.

Тут нельзя оставаться.

Надо было идти через лес, снова думает Алекс.

Вспоминает про красный флажок, который воткнул возле их пещерки, и ругает себя. Ты бы еще знак поставил: «Тут — дети».

Он поворачивается и, не оглядываясь на труп, спешит обратно.

Глава 2

Когда он возвращается в пещеру, дети лежат на подстилках и занимаются своими делами. Лана пишет что-то в свой дневник, а Марк листает детскую энциклопедию с картинками, которую они нашли в одной старой библиотеке несколько недель назад. Страницы в книге давно пожелтели, но не рассыпались, и теперь Марк при каждой возможности раскрывает книгу, чтобы полюбоваться на картинки и почитать, каким был мир до катастрофы.

— Мы уходим, — с порога говорит Алекс, пробираясь на четвереньках в пещерку к своему рюкзаку. Воздух внутри теплый и пропитан человеческим запахом. Удивительно, как мало времени надо, чтобы стало представляться уютным даже такое, казалось бы, никудашное, жилище.

— Как уходим? — удивляется Марк, опуская книгу на живот. — Я думал, мы останемся до завтра.

— Нам нужно скорее добраться до леса у гор. На открытой местности нас могут заметить. Лана откладывает в сторону дневник и пристально смотрит на Алекса.

— Что-то случилось? — спрашивает она.

Алекс качает головой.

— Ничего не случилось. Метель утихла, нашу стоянку видно издалека. Если выйдем сейчас, то к вечеру будем в лесу.

Лана ничего не отвечает: просто молча убирает дневник в рюкзак и начинает собираться.

Алекс подползает к сыну, который тихо лежит в своем углу и тербит уголок обложки. Глаза его смотрят куда-то в пустоту.

— Я тебя понесу, — говорит Алекс, касаясь его лба. Холодный. Уже хорошо.

Но Марк лишь качает головой.

— Не нужно, я пойду.

— А у тебя хватит сил?

Кивает — да.

— Точно?

Марк кивает еще раз и, не говоря больше ни слова, встает с подстилки и подтягивает к себе рюкзак, чтобы убрать книгу.

— Давай хоть рюкзак твой понесу, — предлагает Алекс.

Мальчик на мгновение задумывается, а потом улыбается.

— Если тебе не трудно, — говорит еле слышно.

— Мне не трудно. Если только устанешь, сразу скажи, понял? Не молчи.

Завалив пещеру, они идут дальше.

Небо расчистилось, и снег, отражающий солнце, слепит глаза. Вдали, почти у самого горизонта, чернеет кромка леса, а еще дальше за ним возвышаются Черные горы, которые, кажется, упираются в самое небо.

Дойти бы только до леса, а там и до гор рукой подать. Алекс делает шаг за шагом в тяжелых снегоступах по свежему снегу. После метели идти намного труднее, ноги ломит от постоянного холода, но мысль о том, что вечером они уже смогут наконец развести большой огонь и поставить палатку, помогает ему отвлечься.

Куда больше его волнует Марк, для которого каждый день может оказаться последним. Не думай об этом, обрывает себя Алекс, вглядываясь в бесконечный горизонт. Если Марку и правда суждено умереть по пути к станции, тебе ничего не удастся с этим поделать.

Что Марк болен, они с женой начали догадываться еще когда тому исполнилось шесть лет. В то время они жили намного южнее, почти у самого берега. Алекс помнит, как он каждый день просыпался еще до восхода солнца, брал свой бур и удочку и тихо выбирался из домика,

наполненного теплом и тихим посапыванием детей и Сены. Иногда Сена тоже просыпалась от его шорохов, молча притягивала его к себе и целовала в губы, запуская свой теплый и игривый язык между его зубов. Чаше она не слышала, как он уходит, и в такие моменты ему всегда хотелось как бы невзначай споткнуться о чью-нибудь обувь или еще обо что-нибудь, чтобы разбудить ее и еще раз перед тем, как выйти на холод, ощутить исходящее от нее тепло. Но в их мире сон, как и еда, был на вес золота, а потому он лишь тихо надевал свою заплатанную куртку, туго завязывал лицо шарфом, который Сена связала ему из старых ниток, и шел к морю.

На берегу он спускался к замерзшей воде, и, глядя на начинавшийся на горизонте рассвет, принимался бурить метровый почти лед, тихо напевая себе что-то под нос, пока из лунки не выступала вода. Тогда откладывал в сторону бур и опускал в воду леску с привязанными к ней крючками, сделанными из кусков проволоки. Из-за постоянного холода и нехватки пищи рыба в море была такая голодная, что кидалась на все, что блестело, и Алексу редко требовалось больше часа, чтобы наловить ее на несколько дней вперед. Каждый раз, забрасывая удочку, он боялся, что сегодня будет последний день, когда он что-либо поймает. Ведь не может быть, чтобы рыба продолжала размножаться в таких невыносимых условиях, под толстым слоем льда, думал он, наматывая потяжелевшую леску на запястья, чувствуя, как пот стекает по его спине.

Но рыба, как ни странно, не кончалась. Может, Бог и правда присматривает за этим миром, думал он, складывая бьющуюся об лед рыбу в латаный-перелатанный льняной мешок, с которого то и дело сыпалась сухая рыба чешуя. Как иначе объяснить, что мир продолжает существовать, несмотря на все катастрофы, обрушившиеся на него? Быть может, Бог хотел, чтобы люди прожили еще немного, а потому сохранил и рыб, и птиц, и других животных, которые продолжали кормить и одевать человека в такие суровые времена?

Иногда Алекс брал с собой на рыбалку и Марка. Сын был еще маленький, и Сена не хотела, чтобы он подолгу оставался на холоде, тем более на льду, а потому всегда обматывала его теплыми тряпками поверх тулупа из медвежьей шкуры, так что Марк еле переставлял ноги и больше походил на какого-то пингвина, чем на мальчика.

— Смотри, чтоб под лед не упал, — говорила мужу на прощание Сена.

И хоть лед был толстый и провалиться под него было практически невозможно, Алекс все равно не спускал с сына глаз, наблюдая за тем, как он гоняет по гладкой поверхности замерзшего моря ледышки разных форм и размеров, чуть ли не повизгивая от удовольствия.

— Пап, а ты играл когда-нибудь в футбол? — спросил его как-то Марк, допинав ледышку до того, что от нее не осталось и крошки.

— Нет, не играл. А откуда ты узнал про футбол?

— Мама в книжке прочитала, — пожал плечами мальчик, глядя куда-то себе под ноги. — Это такая игра, где нужно мячик забить в ворота противника. Кто больше забьет, тот победит.

— Это ты в футбол, значит, сейчас играл? Сколько же ты голов забил?

Марк улыбнулся и снова пожал плечами.

— Я не считал. Но я победил, — сказал он и, помолчав, спросил: — Мы когда-нибудь найдем настоящий футбольный мячик?

— Не знаю, никогда об этом не думал. А ты бы хотел футбольный мяч?

Сын кивнул и вытер нос. От мороза и игры щеки его стали красными, как предзакатное небо. В такие моменты Алекс вспоминал себя: как он точно так же тридцать лет назад сидел со своим отцом на замерзшем берегу, они ловили рыбу и говорили ни о чем и обо всем сразу. Возможно, и он так же спрашивал своего отца про футбол или еще про что-то, чего давным-давно уже не было, но что по-прежнему не давало покоя мальчишкам всего мира.

— Может быть, и найдем, — сказал Алекс, усаживая Марка поближе к себе. — Теперь, когда мы знаем, что нам нужен футбольный мяч, мы его точно не пропустим, если увидим, да?

— Да, — кивнул Марк и, вырвавшись из рук Алекса, побежал уничтожать очередную ледышку. Никогда больше Алекс не видел его таким счастливым. Через неделю он снова взял сына с собой на рыбалку, но у Марка вдруг закружилась голова прямо во время игры, и он попросил отвести его домой.

Сначала они с Сеной подумали, что он просто переутомился, и не придали этому большого значения. Но вскоре заметили, что Марк практически перестал выходить из дома и проводит все время, лежа на шкурах, скучно листая старые книжки.

— Ты не заболел? — беспокоилась Сена. — Может, сходишь погулять? Ненадолго?

— Не хочу, — отвечал Марк, убирая книгу и сворачиваясь комочком на материнских коленях. — У меня нет сил.

Сена ничего не отвечала и, задумчиво глядя на мужа, просто поглаживала его по волосам, пока он не затихал, вздрагивая всем телом за секунду до того, как провалиться в тяжелый сон. Во взгляде Сены Алекс читал немой вопрос, на который у него самого не было ответа.

А еще через две недели Марк впервые потерял сознание.

— Пап, — говорит вдруг Лана.

Ее голос возвращает Алекса в реальность.

— Смотри...

Чуть поодаль в низине, по левую сторону от них, стоит большой сарай, который Алекс не заметил раньше за пригорком. Крыша сарая покрыта толстым слоем снега и местами обвалилась, а стены его почернели от старости и вечных холодных ветров.

— Проверим? — спрашивает Лана и, не дожидаясь его ответа, направляется к сараю, скользя вниз по пригорку на своих снегоступах.

Алекс хочет окрикнуть ее. Но если ей и правда так хочется проверить этот сарай, что он может сказать? Что сарай, скорее всего, пустой? И что все, что они там найдут, это холодные стены и очередное напоминание о том, что прежнего мира больше не существует? Алекс качает головой. Пусть уж лучше убедиться сама.

— Тут постоишь или с нами пойдешь? — спрашивает он Марка. Всю дорогу сын почти не отставал от Алекса, который нес его рюкзак у себя на животе. Марк глядел себе под ноги и тихо шевелил на ходу губами, наверное, цитируя выученные наизусть отрывки из своей энциклопедии.

— Я постою, — отвечает Марк, подозрительно оглядывая сарай. — Не хочу потом опять в горку идти.

Алекс кивает.

— Если что, кричи. Мы быстро.

Внутри сарая пусто. Несмотря на сломанную крышу, снега внутри не так уж много, а деревянный пол задумчиво поскрипывает под их ногами, словно удивляясь тому, что кто-то еще остался в живых.

— Слышишь? — спрашивает Алекс, надавливая ногой на одну из досок. — Похоже, там погреб.

Через минуту Лана отыскивает погребной люк, припорошенный снегом. Древесину раздуло от старости, и Алексу требуется несколько минут, чтобы вытянуть его из мертвой хватки пола.

В погреб ведут ступеньки, которые опасно прогибаются, пока он спускается вниз. Только бы не сломалась лестница, думает Алекс, осторожно пробуя ногой каждую ступеньку перед тем, как перенести на нее весь вес. В лучшем случае он отделается ушибом, в худшем — сломает ногу, и тогда пиши-пропало.

— Стой, — говорит он Лане, которая собирается идти за ним. — Я скажу, когда спущусь. Не хочу, чтобы лестница обвалилась под нами обоими.

Наконец ступеньки заканчиваются. Он тянется рукой к рюкзаку на спине. Достает динамо-фонарик из бокового кармана.

— Я внизу, — он включает фонарик.

В погребе полно всякой всячины. На стенах висят инструменты — по всей видимости, фермерские — названия и предназначение которых он даже не знает. Впрочем, есть тут и знакомые ему вещи: молотки, моток пожелтевшей, но еще довольно прочной веревки, проволока и несколько бутылей технического масла.

Нужно взять хотя бы одну, думает Алекс, разглядывая пожелтевшую от времени этикетку на пластиковой бутылке. Можно сделать факел — и тогда не нужно будет постоянно нажимать на рукоятку фонарика.

— Можно я возьму это? — спрашивает Лана, примеряя на вес топор.

— У нас же есть топор.

— Это у тебя есть топор. Ты мне не даешь его метать, а я хочу научиться.

— Если хочешь, возьми. Он тяжелый?

Лана пожимает плечами.

— Нет. То есть немного. Но мне не страшно. Я все равно хочу его взять.

— Хочешь, бери, — повторяет Алекс. Только не поранься, чуть не добавляет он, но вовремя прикусывает язык. Когда ты уже перестанешь так переживать за нее, думает он, высвечивая фонариком другие стены. Она ведь почти совсем взрослая, да и из лука стреляет получше тебя. Справится как-нибудь без твоей заботы.

Вдруг луч фонарика что-то выхватывает в темноте. Алекс чувствует, как сердце у него начинает биться быстрее. В дальнем углу погреба на полу под комком полиэтиленовой пленки стоят деревянные санки.

Несмотря на то, что санки простояли здесь бог знает сколько лет, выглядят они вполне как новые. Только серо-желтый цвет дерева да тонкий пепельный налет на полозьях выдают их истинный возраст. Алекс проводит рукой по каркасу, тянет санки немного на себя, проверяя на прочность древесину — не рассохлась ли за столько лет? Но санки и по виду, и на ощупь кажутся прочными.

— Для Марка? — спрашивает Лана из-за плеча. В руках она держит баллон WD-40, который, похоже, отыскала в горе рухляди, пока Алекс рассматривал сани. — Это для розжига, — добавляет она, заметив вопросительный взгляд Алекса.

— Лучше не бери. И не тряс. Баллон старый — может взорваться. Возьмем бутылку масла для розжига, — говорит он, а потом спрашивает: — Как думаешь, поместится он в санки?

— Не знаю. Думаешь, он вообще захочет, чтобы его везли как маленького?

— Думаю, возражать он не станет. На санках-то точно легче будет. В крайнем случае кину на них рюкзаки.

Берет санки в руки.

— Нужно возвращаться. Иди ты первая.

Пока Лана осторожно поднимается по скрипучим ступеням, Алекс складывает в рюкзак моток веревки, проволоку и две бутылки с маслом. Раздумывает, не взять ли и третью бутылку, но рюкзак у него и так уже трещит по швам. Не жадничай, говорит он себе. Два литра масла хватит надолго, а это пусть возьмет кто-то еще, тоже нуждающийся в розжиге. Если что, он сам подберет на обратном пути.

Марк так и стоит неподвижно на том же месте. Стоит и смотрит на сарай, боится, что с ними что-то случится и он останется совсем один в этой холодной пустыне.

— Что это? — спрашивает.

— Это — санки. Разве сам не видишь?

Алекс ставит их на снег, достает из рюкзака моток веревки и отрезает от нее кусок длиной примерно в два метра. Затем привязывает каждый конец к каркасу саней.

— Садись, — говорит он Марку.

— Зачем?

— Повезу тебя.

Марк задумчиво смотрит на отца, потом переводит взгляд на Лану, словно пытаясь по их лицам понять, в чем подвох, но, ничего не увидев, послушно садится и откидывается на спинку.

— Только не вези меня очень быстро, хорошо? — говорит он, и Алекс громко смеется.

— Не переживай. Быстрее, чем я иду, сани не поедут. Только если я тебя под горку пущу.

Пустить?

Марк тоже смеется и качает головой.

— Я боюсь. Может, потом. С маленькой горки.

— Договорились, — Алекс тянет сани за упряжь.

Глава 3

После сарая они идут практически без остановок. Лишь один раз делают небольшой привал, чтобы съесть по кусочку сала, которое уже давно зачерствело и на вкус больше напоминает подошву.

Время от времени Алекс кидает взгляд на Марка, который, кажется, привыкает к санкам и больше уже не цепляется за бортик, потому что боится с них свалиться. Глаза его — грустные и уставшие — немного оживились, и теперь он смотрит по сторонам, словно выискивая что-то интересное.

— Тебе не тяжело? — спрашивает сын.

— Нет. Не тяжело. Санки сами едут. Мне нужно их лишь немножко потянуть.

— Ладно. Если устанешь, я могу и ногами пойти. Мне сегодня уже лучше.

— Хорошо, — кивает Алекс, но решает, что, пока санки едут, будет везти сына на них.

Везти Марка ему и правда нетрудно. Жизнь в мерзлоте закалила его и сделала практически бесчувственным к усталости. Усталость — его вечное состояние, и обращать на нее внимание — значит тратить лишнее время и силы на что-то, чего он не в силах изменить.

— Вот и лес, — говорит Алекс и показывает рукой на темное пятно в нескольких километрах впереди. Равнина в этом месте плавно перетекает в низину, и с высоты им хорошо видно, как далеко на самом деле простираются Черный лес и прогнившими зубами торчащие за ним Черные горы.

— Думаешь, мы найдем его? — спрашивает Лана. — Туннель, я имею в виду. — В руках она до сих пор держит топорик из сарая, словно ей не терпится уже поскорее потренироваться с ним.

Алекс молчит, а потом медленно кивает.

— Думаю, найдем, — отвечает он, придерживая ногой санки, чтобы те не покатались под горку.

А если не найдем, то будем искать дальше... Он переводит взгляд на горный хребет. Другого выхода у них нет. Обойти горы невозможно — по обе стороны от них тянется территория кочевников. По горам же идти опасно. По крайней мере, так говорят все, в том числе и Мин Су.

Старик много чего ему рассказывал: про снежных бродяг, про мертвецов-ледняков и даже про снежных червей, обитающих в этих горах. Алекс слушал его, не перебивая, но верил в эти байки мало, хотя подобные истории приносили и другие люди, побывавшие в тех местах, и люди эти размашисто крестились, поднимая глаза к небу, каждый раз, когда вспоминали про Черные горы.

Впрочем, даже если бы и не страшилки старика, перебраться через горы они все равно не смогут. Марк и на ровной-то местности идет с трудом. Сердце его и так работает из последних сил, и нагружать его лишней раз нельзя. Тем более сейчас, когда они уже так близко от теплостанции с ее чудо-медблоком, который, если верить Мин Су, исцеляет от любой болезни.

Алекс долго не хотел ему верить, но потом все же поверил. Наверное, очень хотел поверить, потому и слушал жадно рассказы полуглухого деда, который и на костылях-то толком не передвигался, а просто тихо сидел в углу трактира в Лурне, потягивая горячую смесь звон-травы и дурманных специй, поджидая благодарные уши.

Впрочем, это уже неважно. Узнать, правду ли говорил дед, есть только один способ: дойти до станции, которая, по его словам, стоит заброшенная с самого дня катастрофы, но каким-то чудесным образом продолжает работать и может излечить любую болезнь. Любую болезнь, завороченно повторяет про себя Алекс, глядя вдаль на верхушки гор.

Может, все это было и к лучшему, размышляет он, неторопливо переставляя отяжелевшие от снега ноги и прислушиваясь к легкому скрипу саней у себя за спиной. Бог ведь и раньше

посылал беды на Землю, и ничего — люди на ней так и не перевелись. Не переведутся и сейчас. Нужно только верить. Так Мин Су говорил, сверля его взглядом из-под поредевших седых бровей: “Вы только верьте, слышите, верьте, что станция его вылечит! Без веры ничего не выйдет...”

Старик этот целыми днями напролет сидел у окна в единственном трактире в Лурне, прямо через дорогу от знахарской избы, куда Алекс водил Марка на процедуры, куря одну за одной самокрутки и делая заметки в толстенном блокноте с кожаной обложкой и пожелтевшими страницами.

Процедуры, как вскоре выяснилось, оказались совершенно бесполезными, а знахарь — проходимцем, который собирал в лесу древесную смолу, мешал ее с пеплом и подтаявшим льдом и выдавал все это за целебные мази, которыми густо намазывал Марка, нашептывая над его головой какие-то заклинания.

— Зря вы к нему ходите, — сказал им как-то старик, когда они зашли в трактир, чтобы подкрепиться. — Не поможет он мальчику. Лучше потратьте деньги на что-нибудь другое.

Голос у него был хриплый — почти что скрипучий, какой бывает от постоянного курения. На вид ему было лет семьдесят, но сказать точно было трудно: холодный воздух и постоянные ветра превращали любую кожу в древесную кору, отчего и средних лет люди походили на стариков. Несмотря на то, что в трактире всегда было тепло, старик сидел, даже не расстегнув куртку, словно собирался в любую минуту встать и уйти и не хотел тогда возиться с медными пуговицами. Только его варежки лежали на столике рядом с глиняной чашкой чая, из которой медленно поднимался густой пар, и перевязанным тесемкой блокнотом. На лице его, с азиатскими чертами и длинными жиденькими усами, бросались в глаза старые глубокие шрамы, оставленные, по-видимому, каким-то зверем.

Тогда он в первый раз заговорил с ними, и тогда Алекс узнал, что зовут его Мин Су, и что вот уже много лет он живет совсем один, весь покалеченный, но “слава богу, с двумя руками и ногами”. Потом Мин Су показал ему свой блокнот и старые рисунки: грубые копии с чертежей станции, случайно найденных им в одной библиотеке.

— Вы поймите, станция “Европа” — она ведь живая. Почти как человек. Только душа у нее не как у нас с вами — в теле, а как бы рассредоточена по всей станции. Кажется, что просто на стену смотришь, как вдруг голос откуда-то: “Что вы увидели? Рассказать вам что-нибудь про эту станцию?” А ты стоишь, как ошарашенный, вокруг себя глядишь и думаешь: “Уж не сошел ли я с ума, что мне голоса повсюду слышатся?” Поэтому вы не пугайтесь, если она с вами вдруг заговорит. Она та еще болтушка.

— Болтушка? — переспрашивал Алекс, раздумывая над тем, чтобы встать и уйти, пока этот старик не заговорил ему зубы и не перерезал глотку, чтобы украсть последние три монетки, болтавшиеся в его кошельке. Но старик не походил на головореза, и голос его, хоть и скрипучий, все же был теплым и немного смущенным, словно ему самому было странно рассказывать какие-то небылицы про живую теплостанцию, которая стоит заброшенная в тридцатом царстве в тридесятom государстве и исцеляет любого, кто к ней приходит.

Но Мин Су ничего не ответил и лишь задумчиво посмотрел в окно, за которым медленно опускались сумерки.

— А если она не работает больше? — спросил его Алекс и тут же прикусил себе язык. Зачем ты это спрашиваешь, подумал он. Неужели и правда веришь в эти байки полумертвого старика? Какая еще станция? Какие голоса? Разве ты не видишь, что он больной одинокий человек, которому просто хочется с кем-то поговорить?

— Работает, работает, — махал рукой старик. — Я был там всего семь лет назад.

А потом старик поднял куртку и показал длинный шрам, протянувшийся по его животу.

— Рак кишечника. Я уже и есть перестал: до того больно. Но станция меня вылечила. Я даже не помню, как все прошло. Знаю лишь, что лег в капсулу какую-то и сказал: “Вылечи меня, богом молю. Что хочешь дам, просто исцели”.

— Что было потом?

— Не помню. Помню лишь, что в глазах у меня потемнело, а когда я снова проснулся, нашел этот шрам. Но рака уже не было.

А потом старик начинал рассказывать про свою жизнь в тех землях, и Алексу хотелось слушать и слушать: про жену Мин Су, которая, как и Сена, умерла совсем молодой; про странное свечение в ночном небе, от которого Мин Су часами не мог уснуть и зверели все волки в округе; про лесные плоды, о которых Алекс и слыхом не слыхивал, но которые, если верить старику, при варке превращались в самое настоящее мясо; наконец, про рак, который ел Мин Су годами, пока не съел его кишечник, и перекинулся бы на его, прости господи, срамное место, если бы Мин Су не нашел эту станцию.

“Вы, главное, верьте. Как дети верьте. На колени падайте и умоляйте, чтобы вылечила она вашего сына. Она не посмеет вам отказать. Не посмеет. Я точно знаю. Чистым сердцем она не откажет в помощи, слышите? Так что отправляйтесь в Белый город. Отдохнете там от дороги и на станцию. Там уж совсем рядом будет.”

Алекс останавливается. Он так задумался, что не заметил, как они почти добрались до леса. Солнце уже висит над самым горизонтом, отчего лес отбрасывает длинные густые тени, расплзающиеся по снегу, словно щупальца какого-то морского чудища.

— Пройдем еще немного, — говорит он, ступая на тень от верхушек деревьев. День подходит к концу, и им нужно искать место для стоянки и рубить дрова, пока не стало темно. Он с облегчением думает о том, что сегодня ему не придется снова копать снежную пещеру.

Быть может, этой ночью он сможет выспаться.

Они устраиваются ночевать на широкой лужайке, окруженной соснами.

Пока готовится ужин, Алекс с Марком сидят у костра и наблюдают за тем, как Лана метает топор в ствол сосны. Топор кувыркается в воздухе, как кирпич, глухо ударяется обухом о толстый ствол.

— Ты держишь его как молоток. Попробуй взять его ближе к концу рукояти, — советует Алекс, видя раздражение на лице Ланы.

Лана молчит, но меняет хватку. Прицеливается и метает топор еще раз. На этот раз топор свистит в воздухе и втыкается в дерево.

После ужина Алекс подкидывает в костер еще дров, и они просто сидят вокруг огня, глядя на редкие звезды, проступающие сквозь верхушки деревьев. Лана что-то пишет в дневник, а Марк тихо сидит рядом с Алексом и рисует на снегу березовой палочкой. Вокруг них тьма такая густая, что кажется: кинь в нее топор — и он разрежет ее, как старый кусок ткани.

— Расскажи сказку, — говорит вдруг Марк, прижимаясь к Алексу. Отсветы пламени мерцают у него на лице, скрывают привычную его бледность.

— Я забыл все сказки, — Алекс подкидывает еще одну ветку в огонь. Тепло от похлебки и костра разморило его, и он чувствует, как веки его наливаются тяжестью, с которой он вскоре не сможет бороться.

— Как забыл? — спрашивает Марк, с удивлением глядя на отца. — Ты же мне только позавчера рассказывал.

— Это было позавчера. А сегодня я их все забыл. Такое бывает.

Марк молчит, ковыряя палочкой снег, сосредоточенно о чем-то думая. Потом смотрит на Лану и, убедившись, что она их не слышит, тихо спрашивает:

— Значит, меня ты тоже забудешь, когда я умру?

— Что за глупости?

— Так забудешь? — спрашивает Марк снова, не отводя глаз от отца, словно пытаюсь разглядеть даже оттенок неискренности в морщинах его лица.

Алекс качает головой и смотрит сыну в глаза.

— Ты не умрешь, Марк. Не говори так, прошу.

— Но ведь знахарь сказал, что я не доживу до лета.

— Знахарь — идиот. Он сам не знает, что несет.

— Ты ведь говорил, что нельзя обзывать других людей, особенно за спиной.

— Говорил, но я хочу, чтобы ты понял, что знахарь — идиот, и не думал о его словах.

— Хорошо, — Марк кивает. — Знахарь — идиот.

— И теперь ты знаешь, что его словам верить нельзя.

Мысль о знахаре злит Алекса. Столько времени зря потратили, ругает он себя, вспоминая темную, изрытую трещинами и щелями избу, в которой постоянно стоял лютый холод, а по углам прятались крысы. Встретили бы мы старика раньше, возможно, уже сейчас были бы на станции, думает он, но тут же обрывает эти мысли — толку от них мало, и сказать, как бы все сложилось, невозможно. Быть может, они уже были бы мертвы или в рабстве у кочевников. Чем дольше он живет, тем больше убеждается, что все в жизни идет своим чередом и причины происходящего, бывает, можно понять только спустя долгое время.

— Ты все равно не ответил, — не отстает от него сын.

— Не ответил на что?

— Ты меня забудешь? Вот если бы умер ты, например, я бы тебя никогда не забыл.

Алекс вздыхает, прижимает сына к себе, целует его в теплый лоб.

— Если на то пошло, я бы тебя тоже не забыл. Можешь быть в этом уверен.

— А Лану? — спрашивает Марк, глядя на сестру, которая, услышав свое имя, кидает на них взгляд, но тут же возвращается к своему дневнику.

— И Лану бы я тоже не забыл.

— Значит, ты только сказки забываешь?

Алекс смеется, треплет сына по волосам.

— Не только. Человек много чего забывает. Лица, имена, места. Но мы редко забываем тех, кто был нам по-настоящему дорог. Даже если мы не видели их много лет.

— Как маму?

— Да. Как маму, — кивает Алекс. Он немного молчит. — И, кстати, про сказку я соврал. Ничего я не забыл. Просто мне было лень.

— А теперь тебе не лень?

— Нет, не лень. Если хочешь, могу рассказать.

Марк задумывается на секунду, но потом качает головой.

— Нет. Я хочу спать.

— Хорошо, можешь идти в палатку.

— А ты?

— Я еще посижу.

Алекс достает из палатки жестянку с тлевшими головешками — они хоть ненадолго, но согревают воздух внутри. Разгоняет дым. Марк ложится на шкуру.

— Постарайся скорее уснуть, — он целует сына в щеку. — Завтра нам предстоит трудный день.

— Мы будем искать туннель?

— Да.

— Хорошо, — отвечает Марк и поворачивается на другой бок.

Алекс выходит из палатки, и садится у огня рядом с Ланой, которая без устали что-то строчит в своем блокноте.

— У тебя красивый почерк, — говорит Алекс.

Лана захлопывает блокнот.

— Тебе не говорили, что нельзя читать чужой дневник?

— А я и не читал. Просто увидел твой почерк.

— Хорошо. Обещай, что, если я умру, ты сожжешь его.

— Да что на вас обоих сегодня нашло? — Алекс подкладывает еще дров в огонь. Знает, что давно пора тушить костер и идти в палатку, но ему хочется еще немного посмотреть на огонь и, может, подумать о завтрашнем дне.

— Просто обещай, — требует Лана с серьезным лицом и надутыми губами.

— Обещаю. — Он протягивает дочке мизинец. Лана обвивает его своим. Теперь все официально: договор скреплен мизинчиками.

Он уже и не помнит, кто в их семье придумал этот способ скреплять любую договоренность, даже самую мелкую, таким способом. Наверное, Лана и придумала — увидела в одной из старых книжек с картинками, которые она попеременно называет то комиксом, то графическим романом, и собирает с маниакальным азартом, не давая их читать никому, даже Марку — а он постоянно просит ее дать что-нибудь почитать.

— Я спать, — говорит Лана и исчезает в палатке, оставляя Алекса один на один с догорающим костром и наступающей со всех сторон тьмой.

Он уже давно перестал беспокоиться о том, кто или что может таиться в темноте. От этих мыслей только спишь плохо, а сон у него и без того чуткий.

После того как им пришлось уйти от моря несколько лет назад, первое время он почти не спал по ночам, прислушиваясь к каждому шороху или хрусту снега снаружи, хватаясь за ружье, ожидая, что палатку вот-вот разорвет какой-нибудь зверь или бродяга и ему придется нажимать на курок. Но звуки просто растворялись в ночи — а у него от бессонницы всякое утро была тяжелая голова. Вскоре он понял, что так больше продолжаться не может, и стал натягивать вокруг палатки леску с маленькими колокольчиками, которые звенели, если кто-то дотрагивался до нее. Так он делает и теперь каждую ночь.

Алекс закидывает костер снегом и в полной темноте наощупь добирается до своего места в палатке. Понять в темноте, кто лежит с ним рядом, он не может, а зажигать свечу или фонарик не хочет, чтобы не потревожить сон детей. Просто закрывает глаза, расстегивает ворот своей куртки и практически сразу же засыпает.

Глава 4

Позавтракав, они сворачивают лагерь и двигаются в путь в сторону гор. Скоро, думает Алекс, глядя прямо перед собой. Скоро мы найдем туннель. Если не сегодня, то завтра.

Время от времени он сверяется со своей картой, на которой Мин Су сделал пометки черной ручкой, отметив место, где находится вход в туннель. Старик плохо читал карту. Единственное, что он помнил, — что туннель располагался между двумя скалами, соединенными виадуком, а на вершине одной из скал стояла небольшая часовня.

— Было это где-то тут, — Мин Су обводил ручкой на карте участок размером с пятак. — Главное, дойдите досюда, а уж виадук этот пропустить невозможно. Там в скале сразу и туннель.

Ближе к полудню они выходят к небольшому горному ручью. Из-за влаги и пара, поднимающегося от воды, по его откосам выросла пористая ледяная корка, такая тонкая и прозрачная, что, кажется, дотронься до нее — и она тут же треснет. Набрав воды в меха и напившись кристально чистой горной воды, они хотят двинуться дальше, но Марк поскальзывается у кромки ручья и зачерпывает воды в правый ботинок.

— Извини, — говорит он Алексу, который собирает немного дров и разводит костер, чтобы высушить портянки и обувь Марка.

— Ты не виноват. Надо было тебя предупредить, что край скользкий.

Он усаживает Марка на свой рюкзак возле костра, обматывает ему ногу шарфом.

— Из-за него мы потеряем целый час, — Лана кидает тяжелый рюкзак на снег.

— Используем это время с пользой. Я попробую поохотиться, а ты можешь потренироваться.

— Опять ты меня оставляешь нянькой.

— Ты не должна сидеть рядом с ним. Просто не оставляй его одного.

— Это и значит быть нянькой.

— Нет. Это значит думать о других.

— У тебя на все есть ответ, да?

— Нет.

Он перекидывает ружье за плечо и идет к лесу. Спорить с Ланой можно бесконечно, а времени у них мало.

Снег задумчиво хрустит под его снегоступами, словно встревоженный внезапным человеческим присутствием. Люди здесь не ходили уже, наверно, очень давно, думает он, прислушиваясь к звенящей тишине, повисшей между толстыми соснами. Время от времени по деревьям скачут какие-то зверушки, но Алекс не успевает их разглядеть: пока поднимает голову, наверху уже никого нет — только тихо раскачиваются ветки, потревоженные невидимыми жителями этого леса.

С тех пор как им пришлось уйти от моря несколько лет назад, лес стал для них вторым домом. Деревья хорошо защищают от ветра и черного пепла, который иногда приносит ветром откуда-то с юга, где, как поговаривают, до сих пор дымится догорающий вулкан. Да и с пропитанием в лесу дела обстоят неплохо. Но все же о жизни у моря Алекс вспоминает с тяжелой тоской, и чаще всего она одолевает его по ночам, когда он, лежа в быстро остывающей палатке, видит перед собой их деревянный домик на берегу, который они так любили и в котором провели так много лет.

Тот дом они с Сеной нашли почти десять лет назад, после долгих скитаний по Южным землям. Земли, впрочем, только назывались южными, но большую часть года так же были покрыты снегом и льдом, которые толком и не успевали растаять в короткие летние недели. Сена тогда уже носила Марка, и они были почти на грани отчаяния — все уцелевшие дома,

на которые они набредали, были уже заняты, и им не раз приходилось убегать от недовольных владельцев, которые считали своим долгом выпустить в их сторону предупредительную стрелу или натравить на них злощую собаку или еще какого зверя похуже. Алекс перерезал глотку не одной собаке и каждый раз порывался открутить голову тому, кто так их встречал, но Сена всегда останавливала его и тянула Алекса дальше, вдоль прибрежной дороги, на поиски другого места.

— Будут еще дома, будут. Спрячь ружье. Патроны еще понадобятся, — говорила она, прикрывая одной рукой проявляющийся животик, а другой крепко сжимая его руку, не давая ему сбиваться с маршрута.

Лане в то время было почти шесть лет, и уже тогда она всегда бодро шагала рядом с Алексом, обхватив его указательный палец своей детской ручкой. Шуба, сшитая для нее Сеной, покрывала ее с головы до ног, отчего она походила на отрастивший ножки комок меха с парой живых, вечно что-то выискивающих глаз.

— Когда у меня будет настоящий лук? — спрашивала она Алекса, который делал для нее игрушечные луки из гибких веток снежной ивы.

— Он у тебя и так настоящий.

— Тогда почему ты не берешь меня на охоту?

— Потому что детям не место на охоте.

— Почему?

— Ну, представь, что мы встретим кабана. Большого такого, с огромными клыками. Выходит он из-за кустов и видит маленькую девочку с ивовым луком, которая до этого кабана только мертвым видела. Стоит девочка, вставляет стрелу в тетиву, думает: “Сейчас я тебя, кабан, убью”, а кабан не дурак, разбегается и чики-чики-чик, — и Алекс бодал Лану указательными пальцами, приставленными к голове, вызывая у дочери звонкий смех, от которого ему щемило сердце: неужели у его дочери и еще неродившегося ребенка никогда не будет своего дома?

Сена была уже на седьмом месяце, и дорога давалась ей с каждым днем все труднее и труднее. Алекс не раз намекал ей, что, возможно, им стоит подумать о том, чтобы поселиться в одной из деревень, разбросанных вдоль берега, но Сена лишь качала головой: деревня — не место для семьи, тем более с детьми. Приличные люди давно жили сами по себе, оставив деревни головорезам да кочевникам, воруящим девушек для своих гаремов. Алекс и сам знал, что она права, но представить, как будет принимать роды в сугробах, он тоже не мог.

Он уже готов был начать строить дом голыми руками, без пилы, когда им вдруг наконец улыбнулась удача.

Алекс как сейчас помнил этот день. С утра они прошли совсем немного, потому что им в лицо почти все время дул противный северный ветер, хлестал по щекам и резал глаза мелкими снежинками. Был конец осени, и мир, который едва-едва успел отойти от мертвой хватки холода, снова погружался во мрак зимней стужи, пожиравшей остатки какой-либо надежды. Сена ступала по снегу, спрятав голову в глубокий капюшон, и, хотя Алекс не видел ее лица, он мог поклясться, что Сена тихо плакала и ее слезы превращались в маленькие льдинки, еще не долетая до земли. Даже Лана и та притихла и просто шагала рядом с Алексом, не доставая своего лука из-за спины и не пытаясь подстрелить все, что движется.

— Нам надо отдохнуть, — сказал он, скидывая тяжелый рюкзак на землю, и доставая кусок брезента, чтобы укрыться от пронизывающего ветра.

Сена кивнула и с отсутствующим выражением лица опустила на снег рядом с ним, прижимая к себе Лану. Глаза ее, остекленевшие от холода, смотрели куда-то в пустоту, в которой она, казалось, хоронила все их мечты о собственном доме у моря. Быть может, она хоронила и их самих: как они выживут в этом холоде с малышом? Как она согреет его своей грудью, если

грудь ее иссохла от лютого мороза? Как кто-то вообще может выжить в этом безжалостном и бессмысленном мире, который был создан только для страдания?

— Собаки нет, — сказала вдруг Лана.

Ее слова вырвали Алекса и Сэну из мертвого оцепенения, в котором они пребывали последние несколько минут.

— Собаки? — вяло переспросила Сэна, поворачивая худое лицо к дочери.

— В доме нет собаки, — повторила Лана и показала куда-то пальцем.

Алекс повернул голову. По левую сторону от них, почти у самой кромки заледеневшей воды, стоял дом, который с дороги было не заметить из-за густых сосновых веток, низко провисавших над землей под весом снега. Сейчас же, когда они сидели на рюкзаках, дом можно было разглядеть в просвет под деревьями, но они были слишком уставшими, чтобы обращать внимание на что-либо, кроме своих мыслей.

— И правда дом, — задумчиво сказал Алекс, поднимаясь на ноги, и добавил без особой надежды в голосе: — Мы должны его проверить.

Дом оказался деревянным с местами покосившейся крышей, наглухо заколоченными окнами — и совершенно пустым. Судя по высоким нетронутым сугробам вокруг крыльца, он простоял так уже много лет — быть может, даже с самой катастрофы, и, наверное, простоял бы еще столько же, если бы не внимательная Лана. На заднем дворе они обнаружили сгоревший каркас старого автомобиля, несколько пустых проржавевших бочек, в них когда-то хранили какую-то химию, и обрушившийся сарай, под завалами которого Алекс нашел старые, но вполне исправные инструменты.

Откопав крыльцо, они вошли внутрь и тщательно все осмотрели, чтобы убедиться, что дом действительно пустой и что никто из предыдущих жильцов сюда уже не вернется.

— Может, они просто ушли на охоту, — говорила Сэна, пока они обходили темные комнаты с промерзшими стенами, не отпуская Лану от себя ни на шаг. Ее голос отражался от стен и отзывался холодным эхом, какое бывает только в домах, которые посетила смерть.

Они решили остаться. Так у них появился дом, в котором они прожили почти семь лет до тех пор, пока в Южные земли не пришла черная плесень, которая пожирала все без разбора: деревья, дома, животных, людей...

Алекс сплевывает. Вот опять задумался о прошлом и совсем забыл, куда и зачем он бредет. Осматривается вокруг и понимает, что отошел от места их стоянки дальше, чем собирался. Надо возвращаться — оставлять Марка и Лану одних надолго он не хочет.

Уже под самый вечер им встречается подходящая для ночлега поляна. По пути они проходили небольшое замерзшее озеро, у которого Алекс подстрелил тетерева, так что у них сегодня впервые за долгие недели настоящий пир.

После ужина они лежат на шкурах вокруг огня и смотрят в небо. Время от времени небо прочерчивают яркие полосы падающих звезд.

— Пап, как ты думаешь, там есть люди? — спрашивает Марк, показывая пальцем куда-то в небо.

— Где?

— На других планетах.

— Не знаю. Может быть, и есть. Только, наверное, они зовутся как-нибудь по-другому.

— Как?

— Не знаю. Мы бы звали их инопланетяне, потому что они с другой планеты, а как они сами друг друга зовут...

— Значит, и выглядят они тоже по-другому?

— Думаю, да. Вряд ли они похожи на нас.

— А на кого они тогда похожи?

— Это неизвестно, — говорит Алекс. — Может быть, они живут в океане и похожи на наших рыб. А, может, они так же, как мы, ходят на двух ногах.

— По снегу?

— Да. Или по траве. Может, на их планете снега не бывает вовсе, и они ходят босиком по зеленым лугам и купаются в море.

Марк молчит, словно представляет себе, каково это, а потом спрашивает:

— Как думаешь, мы сможем когда-нибудь походить босиком по траве?

— Не знаю. Вся земля покрыта снегом.

— А Африка?

Алекс задумывается. Вспоминает все, что слышал про Африку.

— Север Африки тоже в снегу. Но вокруг экватора еще есть теплые места.

— Там нет снега?

— Нет, снега там нет. Зато есть океан. По крайней мере, так говорят. Сам я в Африке не был.

— То есть теоретически там можно летом ходить босиком, да?

— Да, — отвечает Алекс и поворачивается к Марку. — Откуда ты узнал это слово?

— Какое?

— “Теоретически”.

— Из книжки.

— Из какой?

— Забыл название. Про детей, которые ловят бандитов.

— Понятно. Говоришь уже совсем как взрослый.

Марк улыбается и тоже смотрит на отца.

— Но теоретически я еще ребенок.

Они смеются, а потом немного молчат, все так же разглядывая небо.

— А мы дойдем когда-нибудь до Африки? — спрашивает Марк.

— Может, когда-нибудь. Когда подрастешь.

— Почему — когда подрасту?

— Путь туда не близкий. Не уверен, что мы сможем его одолеть сейчас.

— Жаль, — Марк поднимает глаза к небу. — Я бы очень хотел в Африку.

— В Африке водятся пауки и саблезубые тигры, — говорит Лана, которая все это время лежит рядом с ними и пишет в своем дневнике. — Тебя бы там сожрали в первый же день.

— Вот и нет. Когда я вырасту, то смогу защитить себя. К тому же мы бы вместе дрались с этими тиграми. Ты бы стреляла из лука, а я бы сделал себе копье.

— Нет уж, дудки. Ни в какую Африку я не потащусь. Мне и тут неплохо.

— Там можно ходить босиком по траве.

Лана фыркает.

— Ты не слышал, что папа сказал? Если долго ходить босиком, ноги собьешь.

— Я все понял, — говорит вдруг Марк, пристально глядя на Лану.

— Что ты понял?

— Почему ты не хочешь идти.

— И почему же?

— Из-за Кая.

— Ты — дурак? — тихо спрашивает Лана, не отводя глаз от Марка и даже при свете костра видно, как краснеет ее лицо. — Совсем, что ли?

— Точно-точно.

— При чем тут вообще Кай? Можешь, пожалуйста, о нем не говорить?

— При том, что с тех пор, как он ушел за хребет, тебе стало плевать на меня.

— Ты точно больной. С чего ты взял, что мне плевать на тебя?

— С того. Я это чувствую. Кай для тебя важнее, чем я.

— Вот ты опять про него.

— Ты ведь только о нем и думаешь? И про него пишешь все в своем дурацком дневнике.

— Ты что, читал мой дневник? Читал? Говори.

— Значит, я прав. Ты пишешь о нем. А про меня ты пишешь? А про папу?

Лана в ярости вскакивает и, прижимая к груди дневник, прячется в палатке.

— Я что, не прав? — говорит Марк, когда они остаются одни. — Она ведь до сих пор не может его забыть, да?

Алекс вздыхает.

— Возможно. Но это не наше с тобой дело.

— Почему? Мы ведь семья.

— Да. Но даже в семье каждый имеет право на... — Он останавливается, подбирая нужное слово, — свое личное пространство. Не нужно было обвинять ее в том, что ей на тебя наплевать. Это не так, даже если тебе так кажется. Лана твоя сестра и любит тебя так же, как и ты любишь ее. Дай ей немного времени.

Марк ничего не отвечает, наверное, обдумывает его слова. Костер почти догорел, и Алекс подбрасывает еще пару поленьев, чтобы он разгорелся вновь. Ночь и без того теплая, но ему хочется еще посидеть у огня. Да и Лане надо дать немного времени побыть наедине с собой.

— А от меня у тебя тоже есть секреты? — спрашивает через какое-то время Марк.

— Нет. Ни от тебя, ни от Ланы у меня нет никаких секретов.

— У меня тоже от вас нет.

— Хорошо. Пусть так и будет.

— Она ведь шутит про Африку, да? Она забудет своего Кая, и тогда мы сможем пойти все вместе?

— Не думаю, что она шутит. Но, возможно, в один день она и правда захочет туда. Если мы когда-либо и отправимся в Африку, то либо пойдем все вместе, либо не пойдем вообще.

— Потому что мы семья?

— Да.

— И потому что мы должны быть всегда вместе?

— Да, потому что мы должны быть всегда вместе.

Теперь они долго молчат, каждый думает о чем-то своем. Звездное небо все так же поворачивается над ними, завораживает и одновременно пугает.

Когда-то давно Алекс прочитал в одной из книг, что почти половину двадцатого и весь двадцать первый век человечество пыталось найти братьев по разуму в далеком космосе. По всему миру строили специальные телескопы, слали радиосигналы, непрерывно слушали ночное небо и даже пытались использовать телепатию, чтобы установить контакт с внеземными цивилизациями. Все было без толку. Телескопы ничего не нашли, на сигналы никто не ответил, ночное небо оставалось безмолвным. В космосе не было никого.

Он поворачивается к Марку: тот спит. Лишь время от времени еле шевелит губами, словно разговаривает с кем-то во сне.

Алекс накрывает Марка краем шкуры и прижимает его к себе крепче.

Глава 5

Когда Алекс открывает глаза, костер уже почти догорел, а на горизонте брезжит рассвет. Марк лежит рядом, прижимаясь к нему всем телом. Варезки слетели с него во сне, но руки по-прежнему теплые.

Уж не заболел ли он вновь, думает Алекс, пробуя лоб сына сухими губами. Температуры нет. Марк просыпается.

— Мы спали у костра? — спрашивает.

— Да. Ты уснул, глядя на звезды, и я решил тебя не будить.

— Прости. Я не помню, как заснул.

— Не извиняйся. А я не помню, когда последний раз мне так хорошо спалось.

Пока они снова разводят костер и подогревают остатки вчерашнего бульона, Лана выходит из палатки и, не говоря ни слова, садится рядом с Марком на шкуру. Лицо ее опухло после сна, а глаза не выражают ничего, кроме усталости.

Алекс разливает бульон по чашкам, протягивает их Лане и Марку, дает каждому еще и по кусочку сала. Едят они в тишине, прихлебывая суп из жестяных чашек, которые обжигают губы так, что приходится дуть на край, прежде чем сделать глоток.

— Будем собираться, — говорит Алекс. — Не хочу долго рассиживаться. Если старик не ошибся, и карта не врет, сегодня мы будем на месте.

До обеда они идут без остановок. Марк просит несколько раз скатиться с горки, но Алекс качает головой и тянет санки дальше. Времени у них мало, и проводить еще одну ночь в лесу, зная, что туннель где-то неподалеку, он не хочет. Поэтому он просто тянет санки за вожжи, глядя себе под ноги. “Позже. Потерпи. Найдем туннель, тогда и покатаешься”. Марк лишь молча кивает.

К полудню небо завлакивают черные тучи, приходят откуда-то с востока и приносят с собой фиолетовый снег, которого они не видели уже много месяцев. Темно-серые перья с фиолетовым отливом медленно опускаются на землю, оставляя на снегу и на их одежде темные масляные пятна, разъедающие и без того истертую ткань.

— Закройте лица, — говорит Алекс, опуская шапку ниже и натягивая шарф до самого носа. — И берегите глаза.

Он может ничего и не говорить. Лана и Марк не раз попадали под этот снег и знают, какие ожоги он оставляет на коже, так что, когда он оборачивается к ним, Лана уже заматывает голову шарфом, оставив лишь узкую щелочку для глаз, а Марк опустил капюшон так низко, что он полностью скрывает его лицо.

— Это ведь не снег, правда? — спрашивает Марк из-за спины Алекса. Он все так же едет на санках, накрыв ноги куском ткани, который Алекс достал из рюкзака.

— Нет. То есть не знаю. Может, это и снег, но не чистый. Обычный снег — это просто замёрзшая вода. А это что-то другое.

Марк молчит, думает о чем-то.

— Если Бог создал все, значит, он и этот снег создал тоже?

— Нет. Этот снег создал человек, — говорит Алекс.

— Зачем?

— Так вышло. Я понятия не имею, что там произошло.

— Но ведь это было давно.

— Да, — кивает Алекс. — Наверное, где-то ещё что-то горит, вот и чадит.

— Это почти как черный снег, да?

— Верно. Только там — сажа от вулкана.

— А это?

— Это — химия.

Какое-то время они идут в тишине, нарушаемой лишь скрипом снега под их ногами и полозьями санок. Снегопад усиливается, и теперь почти вся земля вокруг них покрыта темно-фиолетовым слоем.

— Думаешь, Бог злится, что люди разрушили мир? — спрашивает Марк.

— Злится, думаю.

— Почему он тогда не накажет их?

— Человек сам себя наказал. Посмотри вокруг. Богу уже ничего не надо делать.

Марк размышляет.

— Значит, чтобы все исправить, Бог тоже не нужен? Человек должен все изменить сам?

— Не знаю. Думаю, иногда человек оказывается в такой беде, что сам себе помочь уже не может, и тогда без Бога не обойтись.

— А мне кажется, что Богу нет никакого дела до нас, — говорит Лана. Она идет по левую руку от Алекса, низко наклонив голову, пряча лицо от фиолетового снега. Из-под шарфа, туго обмотанного вокруг головы, голос ее звучит приглушенно и далеко. — Если бы ему было не наплевать, он бы не позволил людям сделать то, что они сделали. И вообще, зачем он дал Еве сорвать яблоко с запретного дерева? Он что, не понимал, что из этого выйдет?

— Наверное, понимал.

— Если понимал, значит, ему наплевать. Вот, если бы Марк пошел к краю обрыва, ты бы его остановил, ведь так? А Бог-то почему не остановил Еву?

— Может, хотел, чтобы мы стали самостоятельными и сами решали, где добро, а где зло? — говорит Алекс.

— Опять ты начинаешь.

— Что “опять”?

— Отвечаешь вопросом на вопрос.

— Хорошо, отвечу не вопросом: Бог хотел, чтобы люди сами решали, где добро, а где зло.

— Значит, ему плевать на нас.

— Странный вывод.

— Странно, что ты этого не видишь. Когда мама умирала от черной плесени, я видела, как ты на коленях стоял у ее кровати и молил Бога, чтобы он ее вылечил. Он вылечил ее? Скажи, вылечил?

— Лана. Перестань. Не надо так говорить.

— А Марк? Почему Бог дал ему большое сердце? Он мог бы вылечить его. Ведь мог бы, правда? Или он действительно хочет, чтобы мы вылечили его сами? На сказочной климатической станции с говорящими стенами.

— Лана...

— А то, что ты говоришь про самостоятельность — это бред, слышишь? Если бы Бог и правда хотел, чтобы мы были самостоятельными, он бы просто создал нас и тут же улетел на другую планету, а нас бы оставил в покое, не напоминая о себе постоянно. Но нет, он хочет, чтобы мы зависели от него. Не отпускает нас ни на шаг...

— Смотрите, — говорит вдруг Марк, вскидывая руку. Все это время он едет молча, слушая их разговор, лишь изредка стряхивая химический снег с одежды.

Алекс только сейчас понимает, что совсем забыл смотреть по сторонам. Пока они шли, фиолетовый снег почти иссяк, уступив место самому обыкновенному белому, который теперь медленно опускается на окрашенную землю. Лес внезапно кончается, и они стоят у пологого склона, припорошенного фиолетовыми перьями.

Алекс поднимает голову. Впереди, примерно в двух километрах от них, горный хребет, который издали можно принять за тело какого-то динозавра, книжки о которых так любит Марк и фигурки которых они время от времени находят в заброшенных домах и магазинах.

Динозавр словно разлегся по всей долине, закопав голову в землю и оставив на поверхности лишь свое покрытое спинными гребнями тело и мощный хвост. В одном месте хребет разделяется на две высоких скалы, соединенные ржавым виадуком, а на вершине одной из скал — полуразрушенная постройка с покосившимся крестом на вершине.

— Вот и виадук, — Алекс освобождает лицо от шарфа и делает глубокий вдох. Ноздри его обжигает легкий химический запах.

— Там туннель? — спрашивает Марк.

— Да, — кивает Алекс, — теперь я почти уверен.

Машет рукой.

— Пройдем еще немного и сделаем привал перед тем, как идти в туннель. Нам нужно подкрепиться и мне надо сделать себе новые снегоступы.

Лана кивает и идет дальше, не дожидаясь Алекса, словно показывая, что ей никто не нужен.

— Вы поругались? — спрашивает Марк, когда Лана чуть отдаляется от них.

— Нет, — качает головой Алекс. — Мы не поругались. Просто по-разному смотрим на вещи.

— Хорошо. Я бы не хотел, чтобы вы ругались.

Я бы этого тоже не хотел, думает Алекс, разглядывая далекие скалы, в которых должен быть проход через Черные горы, прорытый людьми еще задолго до того, как прежний мир перестал существовать. Подножие скал утопает в густом сосновом лесу и разглядеть вход в туннель с места, на котором они стоят, невозможно. Только широкая дорога, уходящая в горы, опознать которую можно лишь по изогнутым и местами сломанным стальным отбойникам, указывает на то, что он действительно там.

Спускаясь по склону, Алекс думает, что, может быть, у них и правда все получится. Даже если Богу нет до них никакого дела.

За все время, пока они идут вниз по склону, Лана ни разу не оборачивается.

К вечеру они выходят к черной пасти туннеля.

— Я боюсь туда идти, — говорит Марк, когда они останавливаются перед огромной темной аркой. Дневной свет проникает внутрь лишь на несколько десятков метров.

— Мы зажжем факел, — говорит Алекс. — Масла нам хватит. К тому же у нас с Ланой есть фонарики. — Он поворачивается к Лане. — Твой работает?

— Работает.

Алекс кивает.

— В любом случае, сначала сделаем факелы.

— А он вообще длинный? — спрашивает Лана.

— Почти десять километров. При свете такое расстояние можно пройти за пару часов.

— Мне страшно, — снова говорит Марк. — Я туда не пойду.

Алекс опускается рядом с ним на колени.

— Это — наш единственный путь. Перейти через горы мы не сможем. К тому же в туннеле не будет снега.

— Значит, я не смогу ехать на санках?

— Ты прав. Об этом я не подумал. Если ты устанешь, понесу тебя на плечах.

— Хорошо. Мы оставим санки здесь?

— Да. Нести их на себе не хочу.

На ночь они решают остановиться на этой стороне: делают привал под аркой туннеля, почти у самого входа. Снег здесь лежит лишь тонким слоем и по нему можно ходить без снегоступов.

Пока Алекс с Марком рубят дрова и разжигают костер, Лана приносит откуда-то зайца, которого подстрелила из лука.

— Их тут много, — говорит она, кидая тушку на снег. — Я видела еще троих вместе с этим, но не успела.

— Наверное, это была семья, — говорит Марк.

— Только не начинай, пожалуйста.

— Я и не собирался. Просто сказал, что, наверное, это была семья, а теперь их стало на одного меньше. Мне их жалко.

— Мне тоже, но я хочу есть.

После ужина они ложатся на шкуры вокруг костра. Лана опять занимается своим дневником, а Алекс с Марком просто лежат рядом, каждый думает о своем. Впервые за долгие месяцы они будут спать без палатки. Алекс лишь протягивает вокруг их привала тросик с колокольчиками на случай, если какой-нибудь зверь попытается прокрасться к ним ночью. Возле костра он складывает небольшую стопку дров, их должно хватить до самого утра.

— Когда мы пойдем туда? — спрашивает Марк, глядя в густую темноту туннеля, которая, кажется, пытается сожрать их, и все, что ее останавливает, — это свет от костра.

— Утром. Нам нужно хорошо поспать, чтобы завтра мы смогли идти весь день.

Марк молчит. Не отводит глаз от черноты, простиравшейся на многие километры вперед.

— Мне страшно.

— Я знаю. Не смотри туда.

— Не могу.

— Почему?

— Мне кажется, если я закрою глаза или отвернусь, что-то обязательно появится из темноты и схватит меня.

Алекс обнимает Марка и прижимает его к себе.

— Никто тебя не схватит, слышишь? Там никого нет. К тому же я с тобой. Чувствуешь, как крепко я держу тебя?

— Что, если нас утащат вдвоем?

— Не утащат. Я слишком тяжелый.

— А вдруг?

— Перестань.

— Откуда ты вообще знаешь, что там никого нет? Ты ведь сам сказал, что в туннеле кто-то может прятаться.

Алекс этого, конечно, не знает.

— Оттуда, — отвечает он, не придумав ничего лучше. — Спи. Тебе надо выспаться.

— Как мне уснуть?

— Представь, что это не туннель, а небо. Просто без звезд, какое бывает, когда на небе тучи.

Марк качает головой.

— Не помогает.

— Ты даже не попробовал.

— Я знаю, что мне не поможет.

— Ты даже не хочешь попробовать.

— Потому что я знаю. Знаю, что, как только я закрою глаза, меня съедят.

— Марк...

— Прошу, обними меня еще крепче.

Алекс перекачивается через сына. Поворачивается спиной к темноте.

— Между тобой и туннелем — я. Теперь ты можешь уснуть?

— Не знаю. Я хочу спать в палатке на улице.

— Уже поздно. Спи.

— Папа, — говорит Марк, немного помолчав.

— Что?

— Мы сможем пройти через туннель?

— Сможем. Не сомневайся в этом.

— Лана.

Лана отрывается от дневника, смотрит на них.

— Что?

— Тебе страшно?

— Да, — немного подумав, отвечает она. — Но у меня есть лук и топор. Если тебя кто-то попытается утащить, я убью его топором. Прямо в голову, вот так. — Она слегка ударяет себя ребром ладони в лоб и свешивает язык, притворяясь мертвой.

Марк смеется.

— Это хорошо, — говорит он, устраиваясь поудобнее в объятиях Алекса. — Научишь меня тоже метать топор?

— Когда-нибудь, может.

— Договорились, — отвечает Марк.

Через минуту он спит.

Алекс поворачивается на другой бок и еще долго лежит, глядя во тьму, представляя, что смотрит на ночное небо, в котором кто-то забыл зажечь звезды. Тени от огня пляшут на стенах туннеля вокруг них, наполняя бетонную пустоту причудливыми формами, которые, кажется, рассказывают какую-то историю, понять которую он не в силах. И хотя глаза его потяжелели от усталости, ему страшно закрыть их или повернуться ко тьме спиной.

Кто знает, что прячется в этой темноте?

Глава 6

Что-то будит ее. Лана открывает глаза, но костер, похоже, погас и что-либо разглядеть невозможно.

Она нащупывает топор, который перед сном оставила возле себя, но находит его не сразу. Сердце начинает биться чаще, но через мгновение рука натывается на холодный металл, и Лана успокаивается. С топором в руке спокойнее.

Она протягивает руку к карману на штанах, достает фонарь, нажимает несколько раз на рукоятку. Фонарь загорается, и темнота, кажется, стонет от боли, когда луч света прорезает ее. Свет падает на отца. Он вздрагивает. Садится на шкуру.

— Что случилось? — спрашивает.

— Почудилось что-то. Кто-то трогал мое лицо.

— Не придумывай. Наверное, просто ветер.

— Вечно у тебя на все ответ.

— Что это значит?

— То и значит. Я знаю, что кто-то потрогал мое лицо.

— Хорошо.

— Что — хорошо?

— Кто-то потрогал тебя за лицо, хотя вокруг нас никого нет и колокольчики не звенели.

— Ты мне не веришь.

Вздыхает.

— Спи. С рассветом выходим.

— Знаю. Мне холодно. Я разведу костер.

Отец что-то бурчит в ответ и тут же начинает храпеть. Ну и не верь, думает Лана и наклоняется к углям, дует на них. Угли краснеют, но еле-еле, раздуть не получится. Она берет полено, делает ножом стружку, кладет на угли, снова дует. Стружка загорается. Кладет сверху тоненькие ветки. Треск занявшихся веток отражается от холодных стен, отзывается эхом. Чертов туннель, думает Лана, стараясь не глядеть в темноту. Но темнота манит к себе, завораживает. Шепчет что-то, еле слышно, словно пытается поведать какой-то секрет. Только чужие секреты Лане не нужны.

Костер теперь трещит так, что, кажется, перебудит троллей по всей округе. Лана лежит, прислушивается, но, кроме храпа отца и треска горящих поленьев, вокруг ни звука. Все равно, от бетонных стен и космической пустоты за спиной ей не по себе. Так и хочется посветить фонариком еще раз прямо в центр туннеля. Хочется, но страшно. Вдруг там и правда что-то есть.

Лана злится на себя. Никогда не считала себя трусихой, а сейчас даже боится признаться себе самой, что трусит.

Ну и пусть, думает, и накрывается шкурой. Под шкурой тепло и уютно, и она сама не замечает, как засыпает.

Открывает глаза от какого-то шума. В холодном утреннем свете видит отца. Сидит у костра, варит бульон из объедков вчерашнего кролика. Помешивает ложкой деловито и глядит куда-то вдаль. В глазах — такая пустота, что хочется крикнуть из-под шкуры: ты вообще живой?! Но она молчит, просто смотрит на Алекса, как он пробует бульон на вкус, морщится, капли текут по усам, бороде, капают на землю, как слезы. Может, это и есть слезы. Один раз она уже видела, как он плачет. Думал, никто его не видит. Встал на колени у дерева, уперся лбом в ствол и начал весь трястись, как будто его кто-то за ниточки дергал.

Алекс переводит взгляд на нее, видит, что она уже не спит.

— Мне нужна соль, — говорит.

Лана, не поднимаясь, тянется к рюкзаку, открывает боковой карман, ищет соль. Хранительница специй, блин. Протягивает отцу платок, тот его разворачивает, находит мешочек с солью, сыплет щепотку в бульон, снова пробует. Больше не морщится, значит, есть можно.

Лана скидывает с себя шкуру, потягивается. Тело ноет после сна на бетонном полу. Шкура хоть и мягкая, а все равно на снегу спать удобнее. Она встает, подходит к огню, протягивает руки, чтоб немного согрелись. Тепло от костра покусывает кончики пальцев, но она не убирает руки, хочет еще немного вобрать в себя тепла.

Отец в это время уже разливает бульон по чашкам. Протягивает ей одну. Из чашки поднимается пар, приятный аромат щекочет ноздри.

— Ешь, — говорит. — Теперь только когда выйдем из туннеля...

Отец будит Марка. Брат раскинулся на шкуре как барин: руки в стороны, ноги в стороны, одеяло куда-то улетело. Спит как убитый.

— Вставай, вставай, — отец не сдаётся, трясёт брата за плечо.

После завтрака складывают все обратно по рюкзакам. Ланин рюкзак совсем раздулся, как будто воды напился, стонет от тяжести, трещит по швам, но не рвется, будто пока еще ждет подходящего момента, чтобы вывалить свое содержимое на землю.

Отец приносит откуда-то две палки. Обмывает концы старыми тряпками, окунает в бутылку с маслом, которое они нашли в гараже, поджигает от догорающего костра. Палка вспыхивает как спичка. Протягивает Лане один факел, касаясь ее руки. Рука у отца шершавая и грубая, как древесная кора.

— Будем держаться вместе. Света должно хватить. Если увидишь, что факел гаснет, скажи.

Еще раз проверяют, не забыли ли чего, тушат костер — и идут в туннель. Лана поворачивает голову назад, смотрит, как яркая арка входа становится все меньше и меньше, пока не уменьшается до размеров булавоочной головки. Свет факелов не очень-то справляется с темнотой вокруг.

Куда мы идем, думает Лана, неуверенно ступая по бетонным плитам. Ходить по твердому покрытию непривычно: делаешь шаг и ждешь, что нога вот-вот уйдет немного в снег, а она вместо этого упирается в пол, твердый как камень.

Туннель такой огромный и такой пустой, что кажется: они бредут по какой-то пещере, вырубленной в скале горными троллями. По земле тянется нарисованная оранжевой краской длинная полоса, уходящая вглубь, а вдоль стен время от времени попадаются металлические двери с рисунком бегущего человечка над ними. У Ланы руки так и чешутся попробовать какую-нибудь дверь, но не хочется отставать от отца, да и страшно ей: вдруг за этой дверью что-то прячется.

В свете факела и со спины отец выглядит совсем старым. Идет, плечи понурил, голова совсем поседела, ногами чуть ли не шаркает по бетонному полу. Интересно, буду ли и я так же выглядеть в старости, думает Лана. Она ловит себя на том, что не может вспомнить отца молодым. Он всегда был с бородой и с сединой в волосах, вокруг глаз маленькие морщинки лабиринтом разбегаются по его смуглому лицу. Кажется, пусти по ним слезу — и она затеряется где-то в пути, как капля на скале.

Маленькая, она, бывало, запрыгивала к нему на колени и дергала за бороду, требовала сказку. Отец смеялся, аж слезы из глаз бежали, а потом начинал: “Жила в одной сказочной стране маленькая принцесса. В королевстве том стояла вечная зима, и принцесса проводила все время, строя замки из снега и льда.” Это он про нее так все время рассказывал, Лана уже потом поняла. И в каждой сказке было что-то новое: то какие-то рыцари, то колдуны, то драконы, то злые снеговики. А она прикладывала ухо к его груди и слушала не перебивая, боялась, что он собьется и она так и не узнает победила ли та принцесса армию злых снеговиков.

— Осторожно, — говорит вдруг отец, показывая куда-то под ноги. По ощущениям прошли они совсем ничего, метров пятьсот.

В свете факела на полу туннеля прямо у них на пути – человеческое тело. Мертвое лицо потемнело от холода, глаза запали, тело раздуло так, что куртка трещит по швам. Ноги вывернуты под неестественным углом, как будто кто-то их открутить пытался.

Марк начинает плакать, цепляется за отца, прижимается к его груди лицом. Пойдем, пожалуйста, говорит. Я не хочу это видеть. Папа, папа, уведи меня. Отец утешает его, обнимает одной рукой и что-то шепчет.

— Почему он умер? — спрашивает Лана, обходя труп стороной. Смотреть на него противно, но глаз отвести она не может. Боится, что мертвец тогда схватит ее за щиколотку. Раньше она уже видела трупы, но всегда в снегу и не такие страшные. В снегу мертвый человек больше похож на бревно, этот же похож на демона.

— Не знаю. От голода или от болезни.

— Почему он черный? И что у него с ногами?

— Тоже не знаю. Идем, идем. Не будем тут задерживаться.

Лана заставляет себя идти дальше, представляет себе, как позади труп открывает запавшие глаза и смотрит ей вслед. Потом переворачивается на живот и ползет по бетонному полу, волоча за собой свои изуродованные ноги.

Прочь, прочь, прочь, думает Лана, трясет головой. И когда ты стала такой трусихой? Ведь не боялась ни троллей, ни волков, ни всяких страшилок. Бывало, пойдет одна на охоту, отец ей: “Только в гнилушник не ходи”, она кивает: “Да я только зайцев неподалеку постреляю” — а сама именно в гнилушник и бежит. Заберется там на скалу, со всех сторон на нее мешкоголовые лезут: руки до земли свисают, головы раздутые, как у каких-то осьминогов, без ртов, а она давай их из лука стрелять, навык оттачивать. Стреляет, пока стрелы не кончатся — в прыжке стреляет, с закрытыми глазами, по дуге через стволы деревьев, — пока наконец последний мешкоголовый не свалится ей под ноги, сотрясаясь в конвульсиях, а она в него ногой упирается и стрелу свою достает. Мешкоголовый дергается в последний раз и замирает. Кто никогда с ними не сталкивался, может быть, пожалел бы, но Лана знает, сколько народу эти твари во сне поубивали, так что не испытывает к ним ни жалости, ни сострадания. На обратном пути подстрелит зайца и домой бежит со всех ног. Там отец уже ждет на пороге: “Что-то ты долго”, а она протягивает ему зайца за уши: “До Слепого Бора почти дошла, в нашем лесу сегодня пусто было”. Отец берет зайца и видно, что не верит ей, но ничего не говорит.

Но это было давно. С тех пор много чего произошло, да и она теперь совсем другая. Может, так природа задумала, что теперь ей надо бояться, думает Лана и трогает себя через куртку за живот, который только лишь расти начал, но она знает, что скоро уже не сможет скрывать от отца, что беременна, что носит в себе ребенка, хотя совсем недавно еще сама была ребенком.

Она вспоминает маму, как та ходила с раздутым животом по дому, переваливаясь с ноги на ногу, как стонала всякий раз, когда Марк пинал ее изнутри, и думает: скоро и я буду так, а дома у нас нет. Есть только этот туннель да пещеры в лесу.

Лана гонит эти мысли прочь. Брось. Нужно сказать отцу, думает она. Когда дойдем до станции. Когда станция вылечит Марка. Может, даже раньше. Признаться. Он поймет. И так догадывается, что они с Каем не просто за ручки держались, но никогда ничего не говорил ей, не спрашивал. Да и что он мог сказать. Он ей, вон, говорил держаться от гнилушника подальше, а она все равно ходила.

Вдруг отец останавливается, делает знак рукой, чтоб она тоже остановилась. Светит в темноту факелом, водит им из стороны в сторону, как будто ищет что-то.

— Что ты увидел? — спрашивает Лана.

Отец молчит, только настороженно поворачивает туда-сюда голову.

- Папа?
- Услышал что-то.
- Что?

Молчит. Лана тоже прислушивается к темноте, но кроме своего дыхания не слышит ничего. Пытается разглядеть что-нибудь на потолке, но потолок слишком высокий, и свет от факела туда не достает.

- Мне страшно, — ноет Марк.
- Тут ничего нет.
- Но ты ведь что-то услышал.
- Наверное, показалось.
- Тогда почему мы стоим?
- Все, идем, идем. Держись рядом.
- Тут точно никого нет?
- Точно. Просто тени и эхо.

Лана думает, что отцу, наверное, тоже страшно. Только он в этом никогда не признается. Будет до последнего говорить, что все хорошо, пока не станет уже поздно — тогда достанет свое старое ружье из-за плеча и бахнет из него так, что уши час потом будут звенеть. Сколько раз так было. Все хочет делать сам, от всего их бережет. Особенно Марка. На цыпочках вокруг него ходит, на плечах его готов носить, лишь бы он не утомился, “у него ведь больное сердце”.

Марка ей жалко, и она по-своему любит его, но ей кажется, что, если бы отец не носился с ним так, сердце Марка окрепло бы само. Хотя, конечно, откуда ей знать, она не врач. Да и сто раз видела, как брат бледнеет и падает в обморок. Но иногда ей кажется, что слишком много заботы убивает так же, как ее отсутствие.

Ноги начинают гудеть от ходьбы по твердому покрытию. Как только люди раньше ходили по такой поверхности целыми днями? Лана пытается понять, сколько они прошли. Километра два, может быть.

Лана пытается сделать глубокий вдох, но воздух в туннеле такой густой, что ей кажется, будто ее легкие заполняет не кислород, а какой-то кисель. Темнота, думает она, я дышу темной. От этой мысли сердце ее начинает биться чаще и ей кажется, что она задыхается. Только не сейчас, думает она.

Такое бывало с ней и раньше. Первый раз — когда умерла мама. Тогда ей казалось, что она вот-вот задохнется, грудь словно сдавил кто-то. Отец обнял ее тогда и сказал: “Не пытайся дышать, удержи дыхание”. Ей показалось, что он хочет ее убить. “Не дыши, не дыши, говорю же, будет хуже, удержи дыхание, Лана, Лана, не дыши”. Она сдалась, перестала бороться, просто лежала и умирала — но смерть не пришла и через минуту она поняла, что способна дышать снова. Никогда еще воздух не казался ей таким свежим, хотя она лежала на полу в доме, где все пропахло столетней затхлостью.

Лана смотрит отцу в спину. Что-то его беспокоит. То, как он водит факелом, как глядит куда-то в потолок, хотя там ничего не разглядишь, как прижимает к себе Марка, который плетется рядом с ним, словно его ведут на заклание.

Откуда это “на заклание” взялось, думает Лана, откуда все это берется? Опять трогает живот. Вот откуда, во мне теперь жизнь, и Бог так, наверное, говорит со мной. Но Бога нет, ведь нет же? Это все беременность. Она вспоминает, что когда мама носила Марка, то тоже говорила странные вещи.

Лана догоняет отца. Он молчит, не смотрит на неё, но по лицу его Лана видит, что отец напряжен, как будто ждет чего-то. Брови сдвинуты, губы сжаты в такую тонкую линию, что их даже не видно из-под усов. Желваки на лице играют.

Последний раз он такое же лицо делал, когда они разбудили пещерного тролля. Встал ночью посреди пещеры и пиялился в темноту, словно пытался силой воли разогнать ее. Что ты

стоишь, спросила она его тогда, а он как закричит: “Троль!” — схватил за шкуру Марка, который уже давно спал, закинул его себе на плечо, на другое плечо рюкзак. И тут раздается вопль тролля, который до сих пор страшно вспоминать.

Вылетели они из пещеры — и в сугроб ближайший с головой. Троль вышел следом и давай реветь, так что сугробы дрожали, а они друг к другу жмутся. Отец Марку рот зажимает, чтобы тот не мог даже пискнуть, а Марк лежит, глаза на Лану вылупил — и писает в штаны, да так много, что лужа растекается и растекается по снегу, уже и ее штанина мокрая. А троль все ревет и ревет, и ходит вокруг пещеры. Она уже не помнит, сколько они там пролежали, но с тех пор пещеры они обходят стороной.

Лана трогает отца за плечо.

— Не молчи.

— Здесь кто-то есть.

— Где?

Он оглядывается, светит факелом по сторонам, но вокруг просто пустой туннель. Бетонные стены, бетонный пол, тьма куда ни посмотри, ни души.

— Там, — отвечает и кивает на потолок. — Слышишь?

Лана смотрит вверх, там ничего не видно, просто чернота. Но затем до нее долетает звук, будто кто-то скребется и шепчется в темноте. Такой звук бывает, когда в пургу заледенелые снежинки по сосновой коре стучат.

Тан-тан-тан-тан-тан.

— Идем, — шепчет отец. — Не смотри туда. Пусть тьма будет тьмой.

Но Лана уже достает фонарь из кармана и наводит на потолок. На какое-то мгновение она замирает, пытаясь понять, что видит — и не может. Такое ощущение, что потолок живой и движется под светом ее фонаря, как кипящая вода в котелке, как снежная стена во время метели.

И тут с потолка на нее падает паук.

Глава 7

Она застывает на месте, не в силах пошевелиться.

— Лана! — кричит отец.

Толкает ее.

Марк визжит так, что закладывает уши.

Она падает на бетонный пол.

Фонарь вылетает из рук — крах! — разбивается о землю.

Лана чувствует удар копчиком о землю, но боли нет. Боль придет после. Сейчас она думает лишь о том, чтобы не выронить из рук факел.

Паук приземляется на лапы в паре метров от нее. Огромный. Таких пауков никогда не было и быть не может. Лана это знает. Пауков она никогда не встречала, но видела картинки в книжках, которые они иногда находили в заброшенных библиотеках: “Мир животных”, “Наша планета”, “Путеводитель по Австралии”.

Он размером с крупную собаку, тело покрыто толстыми пластинами, которые двигаются друг под другом, словно броня, лапы как ветки черной березы: толстые, мохнатые, мощные, на их концах темнеют изогнутые когти, потрескавшиеся от времени и холода.

Такие когти превратят любую одежду в лоскуты, вспорют любой живот, перережут любую глотку. Во рту у него жвалы и щелкает что-то, словно кости мертвеца в мешке стучат друг о друга. На голове восемь черных глаз, по четыре с каждой стороны, каждый глаз размером с кулак ребенка — пустые и в то же время глубокие, как заброшенный колодец: смотришь в них, и кажется, что тебя засасывает в какую-то гниль, где человеку не место, где тьма и вечный холод, откуда единственный выход — смерть.

Лана взмахивает факелом как раз в тот момент, когда паук прыгает на нее.

Удар.

Тварь отпрыгивает от пламени, как теннисный мячик от ракетки.

Откуда-то возникает отец и протягивает ей руку, помогает встать на ноги. Марк вжимается так сильно в его бок, что кажется: они один организм, ошибка природы, соединившая в одно тело мужчину и маленького мальчика.

— Ты в порядке?

Лана кивает, смотрит на паука.

Тварь сжимается в комочек у стены туннеля, гладит лапами то место, где у нее были глаза. Даже в свете факела Лана видит, что глаз больше нет — пламя сожгло их, и теперь на их месте как будто лопнувшие волдыри.

Она делает шаг к пауку, чтобы добить его, как вдруг с потолка раздается какой-то звук и рядом с ней падает еще одна тварь. Затем еще одна. И еще.

— Папа! — истошно вопит Марк.

Вокруг твари. Одна, две, три, четыре, десять, двадцать... Света от факелов не хватает, чтобы увидеть, сколько.

Легион.

Стучат своими когтями о бетонный пол, пожирают их своими черными глазами, перебирают лапами в предвкушении.

Лана выкидывает руку с факелом вперед, машет им. Отец делает так же со своей стороны.

Пауки пятятся назад. Огонь их пугает, но они словно выжидают подходящий момент, чтобы броситься. Тогда их уже ничего не спасет от этих тварей.

Отец отдает ей свой факел, кричит прямо в лицо, брызжа слюной:

— Прикрой меня!

Она чувствует спину отца, но не видит, что он делает. Марк втискивается между ними, он уже не кричит – пищит. Если не сойдет с ума, станет сильнее, думает Лана. Она стоит, вытянув обе руки в стороны, в каждой по факелу. Если посмотреть на них со стороны, можно подумать, что они герои какой-то старинной картины, картины ужасов, написанной художником с большим воображением.

Лана разворачивается к отцу.

Алекс заряжает ружье, взводит курок. Длинные волосы в беспорядке, налипли ему на лицо. Рот открыт, грудь поднимается и опускается так, словно он только что поднялся в гору с Марком на плечах. Но в его глазах Лана видит то, чего давно уже не видела. Тихую ярость.

Вспышка разрывает тьму.

У нее перед глазами все плывет, на какое-то мгновение Лане кажется, что выстрела не было, а ружье просто испустило свет, как какой-то мифический артефакт, созданный для того, чтобы отгонять орков. Но через секунду ее барабанные перепонки разрывает боль, и она понимает, что ее просто-напросто оглушило еще до того, как она успела услышать звук.

Выстрел разносит тварей на части: лапы, глаза, клешни, какие-то кишки — разлетаются по туннелю, словно иголки с сосны во время пурги.

Отец давит ей в спину, заставляя Лану повернуться на сто восемьдесят градусов.

Выставляет ружье, направляет его на тварей на Ланиной стороне.

Пауки зачарованно глядят на черный ствол сотнями глаз, словно пытаются силой мысли переманить его на свою сторону, заставить развернуться на своего хозяина, плюнуть огонь ему в лицо, стереть с него все человеческое — и заставить его гнить, гнить, гнить.

Но отец сильнее.

Вспышка. Снова Лана теряет зрение на секунду. И по-прежнему ничего не слышит. Интересно, она оглохла навсегда?

Чувствует брызги от разлетающихся на куски тварей у себя на лице. Хочется вытереться, но в руках факелы.

Отец открывает рот, что-то кричит ей, но, кроме каких-то вибраций, ее уши не улавливают ничего. Все же понимает: отцу нужно перезарядить ружье.

Пока отец лезет за патронами, она размахивает факелами — попробуй подойди. Кыш-кыш.

Повсюду — ошметки. Смердит так, что её вот-вот вырвет. Но Лана думает лишь о том, что надо дать отцу время.

Сколько у него патронов? — думает она, прижигая одну тварь, которая подошла слишком близко. Паук визжит и брызжет какой-то жидкостью. Капли попадают Лане на руку, обжигая ее.

Она вскрикивает от боли и роняет факел, который тут же гаснет.

Тут же её кусают в другую руку — и она роняет второй факел.

Факел падает, но не гаснет.

Черная тень летит на нее, растопырив все восемь лап, выпучив все восемь глаз.

Так выглядит смерть, думает Лана, закрывая одной рукой лицо, а другой живот.

Отец, должно быть, снова стреляет, из ствола вылетает яркое пламя.

Да будет свет

А затем ее лицо облепляет что-то очень мокрое и жутко вонючее. Лана складывается пополам, и ее рвет какой-то желчью, потому что все, что она сегодня ела — несчастный бульон из остатков вчерашнего кролика.

За спиной у нее отец снова — она видит отразившийся на потолке всполох — бахает из ружья.

Лана выпрямляется. Пора пускать в ход лук и стрелы.

Но в тот момент, когда Лана хочет запустить руку за спину к колчану, она замечает, что Марка нет рядом.

Сквозь боль и звон в ушах до нее долетает слабый крик. Даже не крик, а вибрации воздуха.

Поднимает факел, пинает тварь, которая пытается укусить ее за ногу, и светит в темноту.
— Папа!

Это Марк. Она видит его. Точнее, части его тела. На мгновение ей кажется, что пауки расчленили его и тащат по частям вглубь туннеля. Но потом его тело целиком всплывает на поверхность: десятки тварей уносят его во тьму, подальше от света факела, подальше от людей, туда, где его можно будет спокойно разорвать и сожрать.

— Марк! — кричит отец в темноту, но не может сдвинуться с места, твари облепили его, рвут штанины, куртку, тянутся к шее.

Он скидывает их с себя, швыряет бесполезное ружье на пол, достает топор, который постоянно носит на бедре. Топор отсекает паукам лапы, разрубает их тела, но они лезут на него без остановки, как голодные волки на раненого бизона.

Лана чертыхается и бежит за Марком. Ей не хочется оставлять отца в темноте, но, если твари унесут брата в туннель, ей его уже не найти.

Пауки не успели уйти далеко. Их тела не приспособлены для того, чтобы нести на себе такой вес, поэтому Марк то сползает на землю, то снова оказывается у них на спинах. Пауки клацают челюстями, издавая потрескивающие звуки, наверное, делят добычу между собой.

Хрен вам, а не добыча.

Она представляет себя Рыжей Соней, одной из героинь комиксов, пачку которых она всегда носит с собой в рюкзаке. Отец сто раз говорил ей, что она должна от них избавиться, чтобы освободить место для нужных вещей, но она только отрицательно качала головой: это — нужные вещи.

Пламя от факела рассекает тьму по дуге.

Я — Рыжая Соня, думает Лана, прорубаясь сквозь армию тварей, размахивая факелом как мечом. Моя сила в храбрости, и никакая беременность не сделает меня трусихой.

Твари визжат и разбегаются в стороны, подальше от пламени, единственной силы, которая имеет над ними власть и которую они никогда не подчинят себе.

Нет ничего древнее огня. Нет ничего сильнее чистого пламени, выжигающего всю нечисть, испепеляющего гниль, изгоняющего тьму.

И свет во тьме светит.

Брат лежит на земле, раскинув руки и ноги в стороны, глаза стеклянные, смотрят куда-то в пустоту, словно вбирая ее в себя, а вместе с ней и тьму.

Лана хватает его за грудки, ставит на ноги. Удивляется, откуда в ней столько силы, что она одной рукой может поднять брата с земли.

Марк как мешок: ноги гнутся, тело складывается пополам, голова закидывается, хочет снова упасть на пол. Лана трясет его за плечо.

— Очнись! — кричит ему на ухо.

Марк переводит взгляд на нее.

Кажется, узнает.

Прижимается к ней всем телом и давай плакать.

Боковым зрением Лана видит, что сзади летит кто-то. Просто тень. Просто смерть.

Разворачивается.

Встречает тварь факелом.

Факел входит в плоть так глубоко, что, кажется, факел вот-вот погаснет.

Но плоть шипит — и тварь падает замертво на пол.

Факел горит.

Гори, гори, не смей погаснуть, заклинает она пламя.

Со всех сторон раздается визг взбешенных тварей, упустивших еду.

— Пошли вон! — машет она факелом перед армией пауков.

Стоят, двигаются как единое целое, как море: вперед-назад, влево-вправо, словно танцуют под какую-то музыку, которую только они и слышат. Музыку туннеля. Музыку смерти.

Ближе не подходят, но и не отступают. Сверлят глазами. Думают, как подобраться, как содрать шкуру с нее и брата, добраться до их сердец.

Из темноты раздается крик.

Отец.

Лана тычет в пауков факелом, но они не двигаются с места, лишь отступают в сторону от огня, а потом снова смыкают строй. Решили, что им хватит того, что остался в темноте. Главное теперь не пустить к нему хранильницу огня, а уж их сородичи как-нибудь там разберутся.

— Папа! — ревет Марк.

Хочет броситься сквозь массу пауков, но Лана хватает его за шкуру.

Куда. Путь закрыт. Спрячься за меня.

Марк орет, развалив рот.

Зовет папу.

— Держи факел, сможешь? Держи так, словно твоя жизнь от этого зависит.

Впрочем, так оно и есть.

Лана снимает с плеча лук, вставляет стрелу. Целится в одну из тварей, в ту, что пялится на нее наглее всех. Как будто насмехается над ней.

Лана отпускает тетиву.

Вздох.

Стрела прошивает тело твари.

Паук складывает лапы и расстилается на полу.

Лана закидывает руку за другой стрелой, когда слышит крик отца. Из-за эха и боли в ушах не сразу понимает, что он кричит.

В темноте, там, где должен стоять отец, что-то сверкает. Снова. И снова.

Зажигалка.

Что он делает, думает Лана, но не успевает ничего решить, так как в этот момент темноту разносит в клочья. Мир разлетается на части и все наполняет огонь и свет.

Папа, думает Лана. Удар от взрыва такой, что ее поднимает в воздух, закручивает в безумном водовороте, несет с такой силой, словно ее сбила с ног горная лавина.

Уже в полете она понимает, что именно кричал отец.

Бегите.

А затем она ударяется головой обо что-то твердое — и все-таки наступает тьма.

И у этой тьмы есть имя.

Гниль.

Глава 8

Кто-то зовет ее по имени.

Тьма такая густая, что Лана не может понять, откуда идет звук. Может, ей все кажется. А может, это тьма пытается заманить ее в ловушку. Притворяется, что знает ее.

Гладит ее по волосам, успокаивает.

Говорит, что все будет хорошо.

Лана, Лана.

Манит куда-то еще глубже, чтобы уже там сожрать.

Туда, где света, может быть, никогда и не было.

У меня ведь был огонь, думает вдруг Лана и пытается рукой нащупать факел возле себя, но рука натывается только на какие-то осколки и каменную крошку.

Пытается сделать глубокий вдох. Такое ощущение, что легкие полны песка. Боль раздражает грудную клетку, пока она пытается откашляться. Кашляет так долго, что ее опять начинает рвать, но теперь из ее желудка не выходит ничего, даже желчь.

Наконец приступ проходит, и она садится. Чувствует, как что-то теплое стекает по шее. Дотрагивается рукой до головы и тут же жалеет. Боль. Голова гудит, как котелок, по которому ударили молотком. Уж лучше не трогать. По крайней мере, пока.

Лана пытается понять, что случилось, почему она лежит на полу, но тут же перед глазами возникает отец, чиркающий в темноте зажигалкой, после чего мир разлетается в осколки.

Папа. Марк.

Она пытается встать, но рюкзак тянет ее обратно. Перекатывается на живот, встает на четвереньки. Сердце колотится так, что, кажется, еще чуть-чуть — и оно пробьет грудную клетку, вывалится из груди прямо на пыльный пол и так и будет биться в темноте, пока не кончатся силы или его не съедят эти твари.

— Эй! — кричит Лана в темноту, но в ответ долетает лишь эхо ее собственного голоса.

Может, мир и правда разорвало на части, и она попала в какую-то другую вселенную, в другое измерение, где нет ни времени, ни пространства, а есть только эта чертова темнота.

Лишь запах гнили, который она почувствовала, как только ступила в этот туннель, говорит, что она все еще жива.

Лана замирает и сквозь звон в голове вслушивается в темноту, пытается понять, нет ли поблизости пауков, но темнота молчит, словно прячется от нее.

В туннеле так тихо, что она слышит лишь свое дыхание. Лана ползет на четвереньках дальше, ощупывая холодный пол, повсюду обломки камня, крошка, которая режет кожу на ладонях.

— Марк, Марк, — шепчет она.

Пытается побороть нарастающую панику, но страх, что она никогда не найдет Марка, одолевает её. Что, если его разорвало на кусочки и раскидало по всему туннелю? Или эти твари утащили его, пока она лежала без сознания? Что она скажет отцу, когда он спросит: “Где Марк?”

Она натывается на что-то мягкое. Нога. Скользит рукой выше и молится, чтобы нога крепилась к телу. Чувствует полы тулупа Марка, цилиндрические пуговицы, ворот, шарф. Наконец рука натывается на подбородок брата, скользит выше. Лана нащупывает нос, держит ладонь прямо у самих ноздрей. Вздыхает с облегчением, когда чувствует дыхание Марка у себя на руке.

Трясет его слегка за плечо.

Проснись, хочет сказать, но вместо этого снова кашляет.

Чтоб тебя, думает, ударяя себя в грудь, чтобы очистить легкие от пыли. Вспоминает, что в рюкзаке у нее есть второй фонарь, с механическим приводом. Последний раз, когда она его пробовала, он не работал, но чем черт не шутит.

Лана скидывает со спины рюкзак, открывает его, запускает руку внутрь, в один из карманов, где, как она думает, должен быть фонарь. Но в рюкзаке все перемешалось, поэтому находит она его не сразу и совсем в другом кармане.

Вжик-вжик-вжик.

Свет слабый, желтый, но и этого хватает, чтобы увидеть, что Марк цел. На лице небольшие ссадины и царапины, но крови нет. Грудь его часто поднимается и опускается, словно ему не хватает воздуха.

Лана стягивает с него шарф, расстегивает тулуп, чтобы ему было проще дышать, поворачивает его на бок.

Вжик-вжик-вжик.

— Очнись, — говорит Лана и снова трясет его за плечо.

Думает, что будет, если брат не очнется. Что ей тогда, наверно, придется тащить его на себе, если только отец не объявится раньше.

Достает флягу, льет ему на лицо немного воды. Марк приходит в себя и тут же начинает кашлять. Лана ждет, пока он прокашляется, помогает ему встать. На какое-то мгновение ей кажется, что он опять начнет заваливаться на своих ватных ногах, но брат стоит. Пока. Лицо бледное, потерянное. Выглядит так, словно сейчас заплачет.

— Мы должны найти папу. Сможешь идти?

Марк кивает и, похоже, только сейчас вспоминает, что случилось, потому как хватается Лану за руку, прижимаясь к ней всем телом, и нервно озирается по сторонам.

— Пауки ушли, — успокаивает его Лана. — Идем, идем.

Вжик-вжик-вжик.

Тянет его за руку, но Марк и без того держится за нее так крепко, что ей трудно идти.

— Пусти, не хватайся ты так. Пусти. Просто не отставай.

Но Марк не слышит, идет рядом с ней, шаг в шаг, вдох-выдох, сжимает ее руку своими маленькими ладошками, боится ее потерять. Даже сквозь куртку Лана чувствует, как он дрожит.

Вжик-вжик-вжик.

В луче фонаря — только повисшая в воздухе пыль. За этой пылью Лана не сразу замечает гору обломков прямо посреди туннеля. Пытается её обойти, водит фонарем влево-вправо, вверх-вниз, но проход завален окончательно и бесповоротно. Что бы отец там ни взорвал, силы взрыва хватило, чтобы обрушить потолок туннеля.

Это невозможно, думает Лана, а потом: отца завалило камнями. Внутри все холодеет.

— Туннель завалило.

Марк сначала не понимает, что она хочет сказать, но потом до него наконец доходит. Поднимает на нее глаза, которые кажутся желтыми в свете фонаря.

Вжик-вжик-вжик.

— А папа?

— Папа — там, — сглатывает Лана, показывает рукой на обвал. — Мы не сможем...

Она не успевает закончить предложение, как он вырывается из ее рук, забирается на обломки и начинает раскидывать камни.

— Папа! Папа!

Лана хватается Марка за ворот куртки, тянет к себе.

— Стой! Камни могут обрушиться. Перестань, прошу тебя!

Марк сопротивляется, пытается вырваться, но она держит его крепко. Так крепко, как никогда никого не держала. Отца уже потеряла. Двух потерь в один день она не выдержит. Пока она пытается удержать Марка, фонарь гаснет, оставляя их в полной темноте.

Стоят, обнявшись. Марк дрожит, словно его холодной водой облили. Лана чувствует, как бьется его сердце, и думает: только бы он не потерял сознание.

Пытается его успокоить, гладит по голове, шепчет какие-то ласковые слова. Сама себе удивляется, откуда в ней такая забота. Целует его в макушку. Голова его пахнет сосновым лесом. Не отдам тебя темноте, думает. Мы теперь только вдвоем.

Но Марк больше не борется, не пытается вырваться из ее рук, просто молча дает себя обнимать. Несколько раз зовет отца в темноте, сначала громко, а потом все тише и тише. Лана тоже пытается, ищет щели в завале, подносит губы к самым камням, но обломки поглощают их голоса, не пропускают на другую сторону.

Или там больше нет никого живого.

Когда они теряют надежду и уже решаются двигаться дальше, то слышат какой-то звук, как будто скребется кто-то, а потом вроде бы голос отца:

— Ла... ой.

— Папа! — кидаются оба к камням.

— С ва... се по... ке? — голос его такой приглушенный и слабый, что кажется, он говорит с ними с другой планеты.

— Да! Да! — кричит Лана, складывая ладони лодочкой и прижимая их к валунам. — Ты на той стороне?!

— Да... Не... можете... ам... о.... идти.... дальше....

Марк смотрит на Лану.

— Я не понимаю, что он говорит.

— Он говорит, что мы должны идти дальше, — растерянно отвечает Лана.

Брат машет головой.

— Мы тебя вытащим! — снова кричит Лана вглубь завала.

Кричит, а сама думает: как? Любой валун тяжелее их обоих, вместе взятых. Даже если они сдвинут один, то на следующий у них сил не хватит. К тому же можно устроить новый обвал, и тогда они окажутся под камнями.

Отец словно читает ее мысли.

— ...шком опасно... я...иду через... горы.... ждите меня ороде... у ворот.

Марк снова качает головой.

— Мы не бросим его тут. Не бросим, слышишь?

Кидаются на валуны.

— Папа! Мы тебя сейчас достанем!

— Марк, Марк, — обнимает его Лана, — прошу, не надо. Мы не сможем это разобрать. Не сможем. Мы только сделаем все хуже, и тогда папе придется спасать нас.

— Тро..., — доносится слабый голос отца из-за валунов, тихий, как шепот ветра в ночи, — все ...удет ...хо...шо... ду... васгороде.... слушайся.... Лану.

Марк начинает тихо плакать, почти беззвучно, как отец, сотрясаясь всем телом, плечи так и ходят вверх-вниз. Лана плачет вместе с ним. В темноте плачется легче — никто тебя не видит.

— Ухо..те...час, — долетают до нее слова отца. — Слы... те...ня?

— Да, — говорит Лана, но никак не может заставить себя встать с колен. Знает, что им нельзя задерживаться тут надолго.

Марк ничего не говорит. Просто стоит рядом с Ланой, думая о чем-то. Они еще долго стоят так. Лана сама не знает, сколько проходит времени, прежде чем они приходят в себя.

Вжик-вжик-вжик.

Высвечивает лицо брата.

— Марк. Ты меня слышишь?

Кивает. Шмыгает носом.

— Помоги мне. Держи фонарь, мне надо кое-что найти. Знаешь, как он работает?

Марк берет фонарь, но ему не хватает сил и приходится нажимать рукоятку двумя руками.

Лана достает из рюкзака старую футболку, рвет ее на лоскуты, наматывает их на конец стрелы, обвязывает тесемкой, чтобы держалось лучше. Факел получается хилый на вид, но все же лучше, чем ничего.

Затем достает баллон WD-40, который нашла в сарае. Думает, хорошо, что не выкинула. Другого розжига у нее нет. Направляет трубочку на лоскуты, нажимает кнопку. Ничего не происходит.

Приехали, думает, трясет баллоном и снова нажимает. Повторяет это несколько раз, пока из трубочки не брызжет вонючая жидкость.

Когда заканчивает, убирает все в рюкзак, только баллон оставляет в кармане на тот случай, если факел прогорит до того, как они выйдут из туннеля. Лезет в карман за зажигалкой.

Чирк-чирк.

Факел загорается.

— Теперь можем идти, — говорит брату, который сидит и смотрит, что она делает. — Нужно поторопиться, может, успеем выйти наружу до наступления ночи.

Марк кивает. Глаза у него по-прежнему красные, но уже сухие. Видимо, выплакался. Лана знает, что эти слезы были не последними. Ей и самой хочется плакать, но сейчас у них на это нет времени — нужно выбираться из туннеля, пока не вернулись твари и у них не кончился розжиг.

Еще какое-то время они стоят и молча смотрят на завал. Потом так же молча поворачиваются и уходят в туннель. Марк цепляется за карман ее куртки, почти отрывает его, но Лана ничего не говорит.

— Как думаешь, папа долго будет идти в обход? — спрашивает Марк.

— Не знаю. Он ведь пойдет через горы.

— Там опасно?

Лана пожимает плечами.

— Мы тоже пойдем через горы? — спрашивает Марк.

— Нет. Выйдем из туннеля и направимся в Белый город, как и планировали. Будем ждать папу там.

Марк кивает, словно именно это он и хотел услышать, а потом говорит:

— Думаю, он сможет.

— Я тоже так думаю, — говорит Лана и сжимает руку брата покрепче.

Глава 9

Они останавливаются только пару раз, чтобы попить воды. Горло у Ланы пересохло и першит от пыли, но она делает лишь два глотка. Кто знает, когда они снова смогут набрать воды.

— Вот, возьми еще, — говорит она и протягивает свою бутылку Марку, который облизывает губы после каждого глотка, словно пробуя воду на вкус.

Но брат качает головой.

— У меня еще есть вода. Я голоден.

— Знаю. Я тоже. Выйдем из туннеля, попробуем что-нибудь поймать.

— Что?

— Зайца. Или белку.

Факел горит еле-еле, и временами Лане кажется, что он вот-вот погаснет, но менять намотку ей приходится лишь два раза. Жидкости в баллоне с WD-40 хватает на то, чтобы хорошо пропитать старую ткань, которая загорается с первого раза и не гаснет долгое время.

Иногда из темноты доносятся непонятные шорохи, будто кто-то скребется о камень. Лана поворачивает факел на звук, но выхватывает только стену и пол.

Если там кто-то и прячется, то у него хорошо получается. На всякий случай Лана достает из рюкзака топорик и вешает себе на бедро, рядом с охотничьим ножом. Из лука она стреляет увереннее, но в темноте лучше, чтобы под рукой было что-то, чем можно будет отбиваться одной рукой.

Трогает живот, прислушивается: есть там кто живой? Когда-то читала, что у беременных бывают выкидыши после сильного стресса. Интересно, у нее был сильный стресс? Незаметно запускает руку себе в штаны и трогает себя *там*. Сухо. Наверное, это хорошо. Выкидышей у нее никогда не было, но она уверена, что там все было бы мокро, случись он у нее. При мысли о выкидыше становится тяжело на душе. И слово такое, отвратительное...

Лана смотрит на брата, который бредет рядом, как всегда, глядя себе под ноги, думает: может, рассказать ему, но потом гонит эту мысль прочь. Все равно не поймет. Да и какой смысл? Понимает, что просто хочет выговориться.

Мама бы меня поняла, говорит она себе, и вспоминает, как та засмеялась, когда Лана прибежала к ней с первыми месячными, а потом обняла и все объяснила. Отец бы тоже понял, думает Лана и тут же поправляет себя: поймет. Обязательно поймет, когда они встретятся.

— Свет, — говорит вдруг Марк.

Его голос вырывает Лану из её мыслей. Поначалу она думает, что брат говорит про факел, но потом замечает далеко впереди яркую точку, которая мерцает, словно одинокая звезда в ночном небе.

— Дошли? — говорит она и чувствует, как сердце бьется чаще.

Ноги, кажется, сами несут их вперед. Идут быстрым шагом, почти бегут, но Лана не дает Марку разгоняться.

— Стой, не беги, не беги. Скоро уже, потерпи еще немного.

Но сама то и дело начинает шагать шире и чаще; сама торопится выбраться из этого подземелья, вдохнуть полной грудью свежего воздуха, очистить легкие от этой гнили, которая расплзается по ее телу, отравляет и ее, и ее ребенка.

Сколько человек через этот туннель прошло, а сколько еще твари сожрали. Может, они первые, кто добрался так далеко. Первооткрыватели, блин.

Метров за сто до выхода факел догорает. Лана бросает его на пол. Больше он ей не понадобится. Стрела — бог с ней, кончик и так обгорел, толку от нее ноль. Пусть лежит тут, гниет вместе со всем этим туннелем.

Яркий свет, проникающий снаружи, слепит глаза. Смотреть больно, но она не смеет их закрыть. Хочет видеть, что там, за туннелем, куда они идут, какой он, новый мир, но глаза еще не привыкли и все, что она видит, — это просто большое яркое пятно, расплзающееся у нее перед глазами.

Может, и нет там ничего, и они просто идут в пропасть, на дне которой торчат острые скалы и живут черные волки, которые питаются только падалью.

И свет во тьме светит.

Вот опять, думает. Откуда это все берется? Какой свет, какая тьма? Почему эта фраза не дает ей покоя? Снова пытается вспомнить, где она ее вычитала, но не может. Знает только, что точно не в комиксах. Надо будет порыться в какой-нибудь библиотеке. Может, на нее найдет вдохновение, и она вспомнит.

Лана чувствует, как Марк виснет у нее на руке.

— Пусти, хватит цепляться, мы почти вышли.

Но брат как будто не слышит. Смотрит на свет, который уже все ближе и ближе, глаза круглые, лицо бледное.

— Чего ты боишься?

— Вдруг там чудовища?

Лана хочет фыркнуть, но вместо этого просто гладит Марка по голове.

— Нет там никаких чудовищ. Все чудовища остались там, — показывает рукой через плечо.

А сама думает: что, если брат прав? Тут же пытается заглушить эти мысли, но некоторые мысли как черная плесень: если появилась в доме, ничем ее уже не вытравить.

Прочь, прочь, думает, вглядываясь в яркий полукруг, за которым уже можно различить долину и высокие сосны. Таких высоких она еще никогда не видела.

Может, правы те, кто говорит, что в Белой долине все совсем иначе, что деревья тут живые, как люди, и что в озерах тут до сих пор водится рыба размером с человека, которая может даже ребенка утащить под лед, а уж если такую поймаешь, то на месяц мяса хватит.

Все эти байки она много раз слышала от друзей и знакомых, последний раз от этого старика Мин Су, который и подбил их на путешествие. А уж сколько раз ей про это Кай рассказывал при свете огня, она и не вспомнит.

Лежат, бывало, на шкуре в снежной пещере после *того самого*, у нее еще звездочки в голове кружатся, а Кай уже откидывается на спину и давай языком чесать про Белый город, про троллей, которые людям помогают дома из камня строить, про то, что простой каменщик за год может тут на избу накопить, про какие-то многоэтажки — дома, вырубленные в скале один над другим так, что в одной скале до ста человек может жить, и при этом дом у каждого свой. И не остановить его, но рассказчик он хороший и Лане хочется, чтобы он говорил еще и еще: про ледяные фонтаны, городские праздники, на которых, по слухам, до ста быков закалывают и на центральной площади на вертелах жарят, а потом все вместе едят. И она сама не замечает, как снова начинает его целовать и шептать ему на ухо: возьми меня, возьми меня с собой, но потом вспоминает, что не может оставить отца, не может бросить брата, по щекам слезы бегут. Кай успокаивает ее, гладит по распущенным волосам, говорит, я тебя заберу, слышишь, будешь моей женой, а отец твой и брат будут с нами жить, а что, почему бы и вам не перебраться в Белый город, у моих родных дом большой, все поместятся. Там и врачи, говорят, хорошие, вылечат твоего брата. А Лана кивает и улыбается, верит ему, представляет, как они все вместе станут жить в этом чудесном Белом городе, молится, чтобы так все поскорее и было...

Лана так задумалась, что не сразу замечает, что потолок туннеля над головой сменяется небом.

— Ну вот, — говорит она и прижимает Марка к себе.

Под глазами у него круги, щеки запавшие, лицо бледное. Лана не помнит, когда последний раз видела его таким уставшим.

— Тебе надо отдохнуть.

Марк мотает головой.

— Я хочу есть.

— Знаю. Сейчас что-нибудь придумаем.

Лана раздумывает, не остаться ли на ночь прямо здесь, у выхода, но мысль о том, что во сне на них могут напасть твари из туннеля, пугает ее. Уж лучше спать под открытым небом. Надо только хороший костер развести да собрать веток побольше. Накроются одеялом. Уж до утра как-нибудь доживут. Но сначала надо поесть. Только сейчас она чувствует, насколько сама проголодалась.

Осматривается. Впереди расстилается долина. Лана снимает с плеча лук, опускается на колено перед братом.

— Надо раздобыть еды. Одного я тебя оставлять не хочу. Ты сможешь идти?

— Смогу.

— Надевай снегоступы. Пойдем вдоль дороги.

Дорога ведет вниз. День почти подходит к концу. Солнце висит где-то над горами справа, но его не видно из-за высоких деревьев, которые, кажется, подпирают собой небо. Во всем остальном пейзаж ничем не отличается от Южных земель — повсюду лес и снег, и снега столько же, если не больше.

Пока были в туннеле, Лана все-таки привыкла к твердому полу, теперь кажется, что неудобно ходить по снегу. Без санок Марк идет медленно, почти плетется, ноги в снегоступах еле поднимает. Так мы далеко не уйдем, думает Лана, но санки остались по ту сторону туннеля, а ничего другого они придумать не смогут. Придется подстраиваться под его шаг. Она отставливается, ждет, пока Марк доковыляет до нее. Надо будет ему сказать, чтобы не в землю смотрел, а перед собой. А то так и в пропасть или в снежную ловушку угодить недолго.

Деревья высокие и густые — а лес совсем пустой. Они не видят ни птиц, ни белок. Как будто все повымирили.

Что мы будем есть, думает Лана и смотрит на брата, который совсем уже без сил. Говорит:

— Дальше мы не пойдем. Заночуем тут.

Марк поднимает на нее глаза, смотрит непонимающе.

— А еда?

— Ты же сам видишь, что тут пусто, — вздыхает Лана. — Главное, что вода у нас есть. До утра протянем. А там, может быть, повезет.

Брат молчит, задирает голову вверх, изучает верхушки деревьев, словно пытается разглядеть там что-нибудь живое и пригодное в пищу. Потом скидывает рюкзак на снег.

— Значит, нам надо развести огонь, — говорит он деловито, как будто она сама не знает.

— Стой тут, я соберу дров.

Через пятнадцать минут уже сидят у костра. Шкуру кинули прямо на снег рядом. Сварили чай из сосновых иголок, сидят, пьют и смотрят на огонь.

Чай крепкий, согревает хорошо, но желудок все так же стонет от голода. Дожить бы до утра, думает Лана, но успокаивает себя: не в первый раз они голодают. Бывали дни и похуже.

Она вспоминает, как однажды все вместе, еще с мамой, они пошли на охоту и попали в ледяной ураган. Спрятались в какой-то пещере. Сидят, смеются, думают, что через пару часов все закончится и можно будет вернуться домой. А ураган не утихает, только усиливается. В итоге почти два дня там просидели без еды и воды. Вот тогда был экстрим, думает она, отхлебывая соснового чая из горячей чашки. А сейчас уж как-нибудь переживем.

Марк тоже молча пьет, громко прихлебывает. От тепла костра и горячего чая щеки разрумянились, но глаза все такие же молочно-пустые.

— Сделать еще чай? — спрашивает Лана.

— Я хочу спать.

— Хорошо. Можешь ложиться.

— А ты?

— Я еще немного посижу. Посторожу тебя.

— Только, пожалуйста, не уходи никуда, когда я усну.

— Куда я могу уйти?

— На охоту, например.

— Какая охота ночью? Ну, всё, спи, спи.

Брат ложится на шкуру, укрывается одеялом.

— Я очень голодный.

— Я тоже. Постарайся об этом не думать.

— А о чем еще думать?

— Не знаю, тебе решать. Я же не могу думать за тебя.

— О чем будешь думать ты?

— Пока не знаю.

— О Кае?

— Нет, о Кае я думать не буду.

— Хорошо. Давай вместе думать о папе.

— Ты считаешь, ему это поможет?

— Я не знаю. Но мне кажется, что он думает сейчас о нас. Если мы все будем думать друг о друге, то мы найдем друг друга быстрее.

Волосы Марка спутались и засалились, черствые, как снежная трава. Надо будет его помыть, думает Лана. Найти какую-нибудь пещерку, нагреть воды, и хорошенько стереть с него всю эту грязь. Ей и самой не мешало бы помыться. Недели две уже, наверное, даже не вытиралась.

Брат засыпает. Лежит на шкуре, рот открыт, подрагивает мелко во сне.

Лана натягивает одеяло на него повыше, почти до самой головы, садится рядом с ним, смотрит в огонь.

Чувствует, как внутри все пустеет, словно кто-то открыл кран в ее душе и теперь через него из нее вытекает вся жизнь. Но вспоминает, что она теперь не один человек, а два, хоть второй еще не обозначился. Сидит где-то там внизу живота, затаился, ждет своего часа. Ждет, когда можно будет родиться в этот бессмысленный мир, где его не ждет ничего, кроме вечного холода и голода. Проще было бы, если бы не родился, думает Лана, но ей тут же становится стыдно. Трогает живот рукой, поглаживает его. Прости, говорит она, я это не всерьез. Просто я еще никогда не была мамой и не знаю, что меня ждет.

Свет.

Лана вздрагивает. Что это за голос? Перед глазами вспыхивают и исчезают яркие круги. Как будто кто-то фонариком посветил в лицо.

Она зажмуривается, хватается за голову. Я сошла с ума. Что со мной происходит? Откуда все это идет? Зажимает уши, боится опять услышать что-нибудь, но слышно только, как кровь бежит по артериям. Пытается дышать размеренно, но сердце стучит так часто, что никак не получается задержать дыхание.

Вдох, выдох. Вдох, выдох. Не так быстро, черт побери, вот так: вд-о-о-о-х.... в-ы-ы-ы-дох. И так пару раз. Через минуту все проходит. Что это было? — думает Лана.

Она сидит еще какое-то время в тишине, слушая треск костра. Сна ни в одном глазу. Пытается понять, чувствует ли еще голод, но внутри все затихло, как будто и нет никакого голода. Нет никаких желаний. Хочется только сидеть и вечно смотреть, как огонь пожирает дерево.

Нет ничего сильнее огня. Чтобы вырасти, дереву нужны десятки, если не сотни лет. А огонь пожирает его всего за час. Где здесь справедливость? Где тут здравый смысл? Кто вообще так придумал, что огонь — главная сила на планете?

Лана берет котелок и идет к ближайшей сосне нарвать иголок, чтобы заварить еще чая. В ночи кажется, что скрип снега от ее шагов разлетается по всему лесу, до самых гор за ним. Лана оглядывается по сторонам: интересно, есть тут тролли?

Срывает с ветки немного колючек. Подносит их к носу, закрывает глаза, вдыхает. Хвойный аромат кружит голову. Выпью еще кружечку – и спать, думает она. Открывает глаза и видит его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.